

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические записи.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические записи.
Не отправляйте в систему Google автоматические записи любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ПАРТІЯ СОЦІАЛІСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое.

О. ІОАННЪ НОВОКРЕЩЕНСКІЙ.

.....

ЛИПОЧКА - ПОПОВНА.

Отдѣльный оттискъ изъ № 3 „Вѣстника Русской-Революціи“.

1902 г.

PG 3700

D6

245

1902

MAIN

Copy of 1902 - 1911. 1902.

836
N 9447
lit

Липочка - поповна.

(РАЗСКАЗЪ)

Попъ Афанасій Силоамскій овдовѣлъ, когда его единственной дочкѣ, Липочкѣ, не было еще двухъ лѣтъ, такъ какъ ему самому некогда было заниматься ея сиротствомъ, то она до пятилѣтняго возраста росла, попеченіи деревенскихъ бабъ, приходившихъ помочь батюшкѣ въ хозяйствѣ. Часто, когда о. Афанасій лучался изъ дому на требы, Липочку уводилъ къ себѣ о. нибудь изъ сосѣдокъ, и дѣвочка переходила изъ избу въ избу, пила и ѣла за мужицкимъ столомъ изъ мушкетерской чашки мужицкую похлебку и цѣлый день проводила на улицѣ съ ребятишками. Нравъ у нея былъ хитрый, веселый, никогда она не капризничала, никому не мѣшала, и въ селѣ ее очень любили, а старая баба, Афімья, занимавшаяся знахарствомъ и считавшаяся прозорливицею, часто говорила, глядя на Липочку:

— Нѣтъ, бабы, не жалецъ эта дѣвка на бѣломъ свѣтѣ! Не жалецъ и не жалецъ, ужъ повѣрьте моему слову! Нешто это дите? Не дите, а ангелъ божій, а ангелы то самому Господу-батюшкѣ нужны!

Она пригорюнивалась, и слеза набѣгала на ея ставшие, тусклые глаза, а Липочка, ничего не понимая, глядела на всѣхъ и улыбалась. Улыбка у нея была удивительно свѣтлая, и даже самыя заскорузлыя отъ нужды работы мужицкія сердца смягчались при видѣ Липочкиной улыбки. Не было во всемъ селѣ Котоваловѣ ни одного человѣка, который бы, проходя мимо Липочки,

М295819

не остановился и не погладилъ ее по бѣленькой глѣзкѣ. Пьяный кузнецъ, Анурка, извѣстный своей свѣтлостью и необузданнымъ во хмѣлю характеромъ, и укрощался передъ Липочкой, переставалъ изрыгать потребную, кабацкую ругань и лѣзъ со своей мадной, закоптѣвшей ручищей погладить Липочку румяной щечкѣ, оставляя на ней слѣды сажи и гдѣ-то деревенскихъ лужъ, въ которыхъ онъ валялся. Липочка добродушно принимала эту пьяную ласку и улыбалась.

— Зачѣмъ, Анурка, ты водку пьешь? говорила ему иногда, своимъ дѣтскимъ картавымъ языкомъ вторя то, что часто говорили Ануркѣ старшіе.

Вмѣсто того, чтобы разсердиться, какъ Анурка делалъ каждый разъ, когда ему это же самое говорили другіе — онъ задумывался и долго глядѣлъ на Липочку своими красными, воспаленными отъ водки глазами.

— Зачѣмъ пью? бормоталъ онъ, качаясь на своихъ искалѣченныхъ простудой и пьянствомъ кривыхъ ногахъ. Зачѣмъ я пью?... Ишь ты... зачѣмъ пью... Эхъ, дѣтушка моя... постой, вырастешь, можетъ, узнаешь, чего подлецъ-Анурка пьетъ... А теперича иди ка, рай... играй, да на меня подлеца не серчай... выростешь — все узнаешь!

Онъ, пошатываясь, уходилъ въ кабакъ, а Липочка смотрѣла ему вслѣдъ и, наморщивъ лобикъ, о чемъ думала. Ей было жалко пьяницу-Анурку...

Когда ей сравнялось пять лѣтъ, о. Афанасій шилъ, наконецъ, что пора заняться ея воспитаніемъ: самъ началъ учить ее грамотѣ. Дѣвочка была очень нятлива и скоро, безъ особенныхъ усилій со стороны Афанасія, научилась читать и писать, восхищаясь своими способностями, своей необыкновенной любознательностью и своими забавными вопросами, надъ которыми онъ иногда отъ души смѣялся, а иногда и заискивалъ. Поглощенный церковной службой и мелкими хозяйственными нуждами и заботами о. Афанасій мало думалъ, еще меньше думалъ, и маленькая дочка ча

ила его въ тупикъ своей пытливостью. Она все хотѣла знать, на все требовала отвѣта, а отецъ Афанасій всегда умѣлъ отвѣчать и по временамъ совершенно глѣлся передъ этой крошечной дѣвочкой съ бѣленькой точкой на затылкѣ. Тогда, чтобы скрыть свое смущеніе, онъ начиналъ хохотать и говорилъ:

— Ахъ ты, клопъ эдакій! Ну, клопъ! Вѣдь, выдума-же! Большому и то въ голову не вскочить эдакое, а лишь ты, отъ горшка два вершка, а туда же раздаетъ! Ахъ ты фитюлька!

Глядя на него, Липочка тоже начинала смѣяться и веселыя ямочки играли на ея круглыхъ щекахъ. проходилъ день-другой, и она снова являлась къ у сѣ какимъ нибудь вопросомъ, на который о. Афанасій не зналъ, что отвѣчать. Происходили большія незачемъ; батюшка путался, краснѣлъ, пыхтѣлъ; дѣвка смотрѣла на него во всѣ глаза, ничего не понимая изъ его сбивчивыхъ объясненій, и кончалось тѣмъ, что о. Афанасій сердился и прогонялъ Липочку играть куклы.

— Это все бабы наколотили ей въ голову всякой глупости! думалъ онъ. Откуда ей самой придумать? Нашалась тамъ всего, по избамъ бѣгая, вотъ и забрело въ ушишкѣ... Не надо ее въ село пускать.

И онъ, чтобы она не бѣгала по улицѣ, посадилъ ее священную исторію. Но вышло еще хуже: новый свѣтъ открылся передъ Липочкой, и бѣленькая головка заработала еще сильнѣе. Богъ-Саваофъ, сидящій на облакахъ, ангелы, сходящіе на землю, патріархи, блуждающіе по безграничнымъ пустынямъ со стадами своихъ овецъ, войны израильтянъ съ филистимлянами и алекитянами, вдохновенные пророки, возстающіе на законія народовъ и царей, — все это поражало ея воображеніе и возбуждало тысячи новыхъ вопросовъ. Чего ангелы прежде часто приходили на землю, а теперь не приходятъ никогда? Отчего богъ не разсердился на Авраама за то, что онъ прогналъ Агарь въ пустыню, гдѣ она чуть было не умерла отъ жажды? По-

— 9 —
чему богъ любилъ израильтянъ, а филистимлянъ не любилъ? И теперь — почему онъ однихъ людей любитъ, а другихъ нѣтъ; однимъ даетъ все, а другимъ — ничего?

— Вотъ такъ выдумала! говорилъ о. Афанасій, всѣмъ озадаченный. Это откуда же ты взяла, что онъ однихъ людей любитъ, а другихъ не любитъ?

— Да какъ же! возражала Липочка съ убѣжденіемъ. Вотъ Анурку богъ не любитъ, нищенку-Настасью не любитъ, дурочку-Гашку не любитъ, плотника Ивана не любитъ, да мало ли кого?

— Это почему же такое не любитъ?

— Да потому что, если бы любилъ, они бы не такіе были. Анурка бы не пьянствовалъ и жену не бѣгалъ. Настасья не побиралась бы, Гашка была бы умная, нее мальчишки камней не кидали бы, а плотникъ не упалъ бы съ крыши и не ходилъ съ костылемъ. Вотъ, вѣдь, мнѣ ихъ всѣхъ жалко, а богъ, стало бы, не жалѣетъ. Кабы онъ ихъ жалѣлъ, онъ бы съ ними такъ не сдѣлалъ.

— Ну, братъ, богъ лучше насъ съ тобой знаетъ, что дѣлать, строго говорилъ о. Афанасій. Это, братъ, не наше дѣло бога судить. Что онъ дѣлаетъ, то, съ нами бы, такъ и надо!

— Зачѣмъ надо? продолжала приставать неугомонная дѣвочка.

— Ну какъ зачѣмъ? Можетъ быть, онъ ихъ за грѣхи наказываетъ.

— За какіе грѣхи?

— За разные! Заповѣди то учила? Не убій, не ради, чти отца и мать, не сотвори себѣ кумира, помнишь вѣдь?

— Помню, задумчиво говорила Липочка.

— Ну вотъ, и помни хорошенько. Будешь жить по заповѣдямъ, и богъ тебя возлюбитъ. А преступишь повѣдь — онъ тебя отвергнетъ и накажетъ! торжественно заканчивалъ о. Афанасій, вполне увѣренный, и обѣдилъ Липочку.

Дѣйствительно, Липочка на нѣкоторое время успо-
алась и замолкала. Тихонько сидѣла она въ своемъ
ку надъ книжкой, и о. Афанасій начиналъ думать,
она уже забыла о предыдущемъ разговорѣ и те-
перь не сомнѣвается больше въ справедливости божіей.
Вѣрно, онъ ошибался, и черезъ нѣсколько дней Ли-
а снова приступила къ нему съ встревоженнымъ и
оченнымъ видомъ, не предвѣщавшимъ ничего хо-
аго.

— А отчего это, папаша, богъ не накажетъ мель-
и Филиппа? спросила она, облачиваясь къ отцу на
бни и заглядывая ему въ глаза. Вѣдь, онъ не по за-
вѣдямъ живетъ?

Мельникъ Филиппъ былъ одинъ изъ самыхъ бога-
ть прихожанъ о. Афанасія и пользовался большимъ
этомъ. Родомъ онъ былъ изъ мужиковъ, но, разбо-
бвѣвъ, приписался въ купцы, и теперь у него была па-
ая мельница, хуторъ, 2000 десятинъ земли и нѣ-
лько сотъ тысячъ рублей въ банкѣ. Жилъ онъ до-
бно открыто, по торжественнымъ днямъ устраивалъ
ды и вечера, и о. Афанасій частенько бывалъ у не-
въ гостяхъ, гдѣ можно было не только вкусно по-
ь и попить, но иногда даже перекинуться отъ скуки
картишки. И вдругъ о такомъ важномъ въ уѣздѣ
ѣ Липочка выражается съ такимъ непочтеніемъ! О.
анасій даже весь покраснѣлъ и долго не могъ вы-
орить ни слова.

— Вотъ те и на! воскликнулъ онъ, наконецъ. Это
е что такое за штука? Кто тебѣ сказалъ, что Фи-
ппъ Петровичъ не по заповѣдямъ живетъ?

— Мнѣ никто не сказалъ, отвѣчала Липочка. Я са-
знаю.

— Что ты знаешь, пиголица?

— А какъ же, папаша? По заповѣдямъ развѣ такъ
вуть? Вотъ онъ богатъ, а никому ничего не даетъ,
еще у другихъ отнимаетъ. Намедни у Петрухи Ко-
валова послѣднюю телушку отнялъ. Самъ живетъ
нѣ въ какомъ домищѣ, а его дядя, Михѣй, побирать-

ся ходить. Одинъ разъ пришелъ къ нему во дворъ хлѣбца попросить, а онъ его побилъ да еще велѣлъ со двора прогнать. Развѣ это хорошо? А богъ его чуточки не наказываетъ, — ишь, онъ какой толстъ да красный и все хохочетъ.

На этотъ разъ о. Афанасій вмѣсто отвѣта отодравъ Липочку за уши и поставилъ ее въ уголь до тѣхъ поръ пока не свяжетъ 20 сажней нитокъ на чулкѣ. Липочка съ краснымъ ухомъ, тихонько всхлипывая, стояла въ углу и вязала чулокъ, а о. Афанасій ходилъ взадъ впередъ по комнатѣ и размышлялъ, что ему дѣлать этой странной дѣвочкой? Она заставила его сильно задуматься. И жалко ему было наказывать свою единственную, и въ тоже время онъ не видѣлъ другого средства, чтобы отучить ее отъ „вредныхъ умствованій“, которыми была набита эта маленькая головка бѣлой косичкой на затылкѣ. Напрасно онъ ломалъ голову и такъ и эдакъ, напрасно старался призвать на помощь всю свою давно забытую семинарскую науку, ничего не выходило. „И въ кого она эдакая уродила!“ думалъ онъ, искоса поглядывая на Липочку и думая надъ собой усилія, чтобы не разжалобиться. — Она была женщина простая, солила себѣ огурцы, прекрѣпитель варенъе, вышивала отлично, и больше ниче. Я тоже человѣкъ простой, смиренный, въ семинаріи Чернышевскаго боялся читать, чтобы какъ нибудь хомъ не попасться, а вотъ поди ты, родили же эдакого звѣренка! А еще Дарвинъ тамъ говоритъ: „наслѣдственность“! Вретъ Дарвинъ, — какая наслѣдственность! Просто это оттого, что она безъ матери растетъ, вслѣдствіе тѣхъ женскаго, съ деревенскими ребятами путается... Бабы проклятыя мутятъ!... Нѣтъ, надо куда нибудь въ заведеніе поскорѣе отдать, — тамъ вышколятъ! Или женщину какую нибудь приличную домой взять!

Въ это время къ о. Афанасію зашла бабка-Афимья, ладонцу кусочекъ попросить и, увидѣвъ свою люб-

Липочку въ углу, всю заплаканную, напустилась на тюшку.

— За что это ты ее, отецъ, тиранить? Что она те сдѣлала? Ишь, дѣвка себѣ глаза по кулаку напла-
ла, а тебѣ и горя мало? Дитятко мое, да чѣмъ же о ты папашу изобидѣла?

Дѣвочка, тронутая участіемъ старухи, заплакала еще
ще не столько отъ боли, сколько отъ обиды. О. Афа-
сій разсердился, хотя и самъ чувствовалъ, что нака-
ль Липочку напрасно.

— Молчи, карга, не твое дѣло! крикнулъ онъ на
римью. Чего ты раскудаhtалась? Я самъ знаю, за что
казываю. Липочка, поди сюда!

Липочка, вытирая глаза чулкомъ, подошла къ отцу.

— Ну, будетъ хныкать, строго сказалъ о. Афанасій.
Первый разъ довольно. Иди себѣ, да не смѣй мнѣ
упостей болтать. Не будешь?

— Не буду, прошептала Липочка.

— Ну, вотъ и помирились, съ облегченіемъ сказалъ
тюшка и, когда Липочка вышла изъ комнаты, онъ об-
тился къ Афимѣ. — Это все вы тамъ, бабье проклятое,
всякую ерунду наговариваете! Наболтали про мель-
ка Филиппа, что онъ грабитель, живодеръ, такой-ся-
й, а дѣвочка сдуру повторяетъ! Хорошо еще, что мнѣ
инъ-на-одинъ сказала, а, не дай богъ, при немъ эдакъ
пнетъ, да что я тогда буду дѣлать? Вѣдь, меня тог-
Филиппъ со свѣту сживетъ!

— Сживетъ! пригорюнившись, повторила Афимья.

— То-то же и есть! Сама знаешь, человѣкъ онъ
льный, — напишетъ архіерею, и полетишь вверхъ-тор-
пиками! Поминай тогда попа Афанасія!

— Это ужъ какъ пить дать! подтвердила опять ста-
ха.

— Ну вотъ! А вы меня подъ отвѣтъ подводите, не
слѣдете своего батюшку. Нашли, кому болтать, — ребен-
! Что она понимаетъ?

— И-ихъ, отецъ! со вздохомъ сказала Афимья. Да
и сами то чего понимаемъ? Какъ есть ничегошень-

ки... А дочка твоя, я тебѣ скажу, сама всякаго научить. Премудрая она у тебя, отецъ, — я сроду-родясь эдакихъ дѣтей премудрыхъ не видывала. Не жилецъ она на бѣломъ свѣтѣ!...

О. Афанасій подскочилъ, какъ ужаленный, и плюнулъ.

— Тыфу! Типунъ тебѣ на языкъ, старая колдунья!... Чего каркаешь? Вѣдь, ляпнетъ же эдакое, требуха коровья... Пошла вонъ!

Старуха, бормоча что то про себя и вздыхая, побрела изъ комнаты, а о. Афанасій бросился искать Липочку. Она сидѣла на дворѣ у погребницы съ развернутой книжкой на колѣняхъ и, склонивъ свою бѣлокурую головку, читала нараспѣвъ: „и сказалъ тогда Христосъ: легче велбуду взойти въ игольное ухо, нежели богато-му въ царствіе небесное“...

У о. Афанасія отлегло отъ сердца и, скрывая отъ дочери набѣжавшія на глаза слезы, онъ подсѣлъ рядомъ съ нею на ступеньку и сказалъ:

— Ну, будетъ тебѣ читать, Липочка, — глаза испортишь! Ты бы побѣгала!

— Я не хочу, папаша, отвѣчала Липочка, поднимая на него свои свѣтлые, еще заплаканные глаза.

— Ну вотъ „не хочу“! Еще успѣешь начитаться! Ухо то прошло? шутливо сказалъ онъ и взялъ Липочку за надранное ухо.

Липочка улыбнулась, и ямочки заиграли у нея на щекахъ.

— Да оно у меня и не болѣло совсѣмъ, папаша! Такъ, чуть-чуть...

— А отчего же ты ревѣла, козявка?

— Да оттого, что стыдно! Афимья припла, а я въ углу стою...

— А ты глупостей никогда не говори, наставительно сказалъ отецъ. Ты еще маленькая, ничего не понимаешь, а смѣешь обо всѣхъ судить. Такъ, братъ, нельзя: Христосъ и то грѣшниковъ прощаль, а ты, ишь, выско-ила! Терпѣть, братъ, надо, — терпѣнье да смиренье — елика сила!... А судить насъ всѣхъ господь богъ

будеть и воздасть коемуждо по дѣломъ его... Такъ то козявочка!

И, вспомнивъ вдругъ зловѣщія слова бабки-Афимьи, о. Афанасій въ порывѣ грустной нѣжности схватилъ дѣвочку на руки и сталъ цѣловать ее въ бѣленькую головку, шепча про себя: „никому не отдамъ, никому, никому“...

Отецъ съ дочерью помирились, и Липочка совсѣмъ перестала задавать отцу разные щекотливые вопросы. По прежнему сидѣла она въ своемъ уголку за книжкой и что то думала про себя, по вечерамъ долго молилась и любила ходить въ церковь. О. Афанасій не могъ на нее на- радоваться, но по временамъ какая то смутная тревога смущала его душу, и онъ съ боязнью глядѣлъ на дѣвочку. Афимьины слова глубоко засѣли ему въ душу, и онъ о нихъ никакъ не могъ позабыть. Часто, сидя въ гостяхъ, онъ вдругъ вспоминалъ: „а что то дѣлаетъ Липочка? не захворала ли?“ — и, схвативъ шапку, бѣжалъ домой. Когда въ Котоваловѣ появлялась какая нибудь заразная болѣзнь, о. Афанасій выходилъ изъ себя, брызгалъ карболкой по всѣмъ угламъ и съ утра до вечера приставалъ къ Липочкѣ съ вопросами: „не болитъ ли головка? Не трудно ли глотать? Отчего она морщится, когда ѣстъ? Отчего скучна?“ и т. д.

Но, несмотря на всѣ эти страхи и безпокойства о. Афанасія, Липочка росла себѣ да росла, выравнивалась, цвѣла свѣжестью и здоровьемъ и въ 12 лѣтъ была хорошенькой дѣвочкой съ пышной свѣтлорусою косою, которая уже не торчала забавнымъ крючечкомъ на затылкѣ, а толстымъ жгутомъ падала до пояса. Большіе каріе глаза ея смотрѣли также ясно и открыто, а на румяныхъ щекахъ, когда она смѣялась, по прежнему играли ямочки. Деревенскія бабы, которыя когда то нянчили Липочку на своихъ рукахъ, любовались на хорошенькую поповну и говорили о. Афанасію:

— Ну, папаша, и дочка же у тебя растетъ! Красавица да умница, стоитъ чести приписать! Дай богъ ей женишка хорошаго!...

О. Афанасій самодовольно усмѣхался въ свою сѣдѣ-

ющую бороду и говорилъ съ притворно-суровымъ видомъ:

— Ну, еще о женишкѣ нечего думать, — пусть поучится прежде! Вы вотъ наколотите ей опять глупостей въ голову и собьете мнѣ дѣвочку съ толку. Знаю я ваши дурацкія бабы привычки!

— И, что ты, отецъ! смиренно отвѣчали бабы. Да нешто мы ей худого желаемъ? Слава тебѣ, господи, она, почитай, наша прирожденная, все равно, что свое дите! А своему дитю нешто худого пожелаешь?

И, дѣйствительно, все село смотрѣло на Липочку, какъ на родную свою дочку, и когда дѣвочка шла по улицѣ, бабы высовывались изъ оконъ, и, провожая ее глазами, говорили: „вонъ наша поповнушка пошла“!... А окончательно спившійся Анурка при встрѣчахъ съ Липочкой еще издали сдиралъ съ головы шапку и, балансируя среди улицы на своихъ ногахъ, которыя совершенно отказывались ему служить, оралъ хриплымъ голосомъ:

— Поповнѣ Липочкѣ почтеніе! Голубочкѣ нашей отъ пьяницы-Анурки нижайшій поклонъ. Проходи смѣло, — никто не тронетъ... Разр-ражу!...

И, потрясая кулачищами по адресу какого то невѣдомаго Липочкина оскорбителя, Анурка долго еще посылалъ вслѣдъ Липочкѣ поклоны, пересыпанные нѣжнѣйшими эпитетами, какіе только имѣлись въ его распоряженіи.

Осенью отецъ Афанасій отвезъ дочку въ губернской городъ и помѣстилъ ее въ Епархіальное училище. Вступительный экзаменъ она выдержала превосходно, и о. Афанасій, возвратившись изъ города, съ гордостью рассказывалъ всѣмъ, сколько она получила изъ арифметики, какъ отмѣнно отвѣчала она изъ закона божія и какъ даже самъ владыко обласкалъ ее, послѣ экзамена долго съ нею бесѣдовалъ и спросилъ ее, — чья она дочь? А когда Липочка отвѣтила, что по отцу она Силоамская, то владыко будто бы многозначительно поднялъ палецъ и казалъ: „а, Силоамская, — знаю о. Силоамскаго, добрый пастырь стаду своему, и ты ему достойная дочь“!...

Послѣднее, можетъ быть, о. Афанасій и привралъ на радостяхъ, но всѣ ему вѣрили и, слушая его безконечные рассказы о Липочкиныхъ триумфахъ, радовались вмѣстѣ съ нимъ.

Однако, когда первый радостный угаръ прошелъ, и о. Афанасій увидѣлъ себя одинокимъ въ своемъ опустѣвшемъ домикѣ, онъ сильно заскучалъ. Липочки не было, но все напоминало о Липочкѣ... Вотъ ея столикъ, за которымъ она, бывало, тихонько копошилась, какъ пугливая мышка; вотъ ея книжки съ картинками, грубо раскрашенными ею самою; вотъ ея недовязанный чулокъ... Подойдетъ о. Афанасій къ столу, возьметъ одну книжку, потомъ другую, потрогаетъ чулокъ, вздохнетъ и опять начнетъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Иногда запоетъ вполголоса: „свѣте тихій“ или „отверзи ми двери“, но голосъ его такъ жутко загудитъ по пустымъ угламъ, что о. Афанасій самъ испугается и замолчитъ. И все вспоминается ему Липочка, ея смѣхъ, ея ямочки на щекахъ, ея звонкій голосокъ, — и прослезится о. Афанасій. — Отъ скуки онъ началъ выпивать, сначала втихомолку и въ одиночку, потомъ открыто, за обѣдомъ рюмочку, за ужиномъ рюмочку, а въ гостяхъ и побольше.

Когда отъ Липочки пришло первое письмо, о. Афанасій обрадовался и цѣлую недѣлю носился съ этимъ письмомъ, читая его всѣмъ и каждому. Липочка писала, что она учится хорошо, что учитель исторіи у нихъ добрый и хорошій, а учитель арифметики злющій-раззлющій, что начальницу у нихъ зовутъ Ежевикой за то, что у нея на носу бородавка величиной съ ежевику, и что Липочка начала вышивать милому папашѣ туфли. „Ахъ ты, проказница, охъ, проказница!“ въ умиленіи шепталъ о. Афанасій, перечитывая это письмецо чуть не въ сотый разъ, и ему казалось, что ужъ лучше и умнѣе этого письма никто, кромѣ Липочки, не напишетъ. Затѣмъ, вооружившись очками, онъ въ свою очередь написалъ ей въ отвѣтъ длиннѣйшее посланіе, въ которомъ совѣтовалъ ей учиться хорошенько, слушаться учителей, мо-

литься богу, а начальствующихъ лицъ не называть ни ежевикой и никакой другой ягодой, потому что ягода сама по себѣ, а начальство само по себѣ и самимъ богомъ установлено.

На Рождество Липочка приѣхала къ отцу и внесла въ поповскій унылый домикъ свѣтъ, тепло и жизнь. Съ утра до вечера ея звонкій голосокъ разносился по всему дому; она рассказывала всѣ свои школьныя новости, расспрашивала о деревенскихъ знакомыхъ, не забыла даже про Анурку и очень огорчилась, когда узнала, что онъ отморозилъ себѣ ноги и лежитъ въ земской больницѣ. Потомъ Святки прошли, она снова уѣхала въ городъ, и о. Афанасій остался одинъ, высчитывалъ дни и часы, которые отдѣляли его отъ будущихъ каникулъ.

Время шло, Липочка росла, умнѣла и хорошѣла, о. Афанасій старѣлъ и оживлялся только тогда, когда наступали каникулы. Настоящій праздникъ былъ у него лѣтомъ: Липочка привозила изъ города множество разныхъ новостей, кучу интересныхъ книжекъ, которыя показывала отцу и читала ему вслухъ въ свободные часы. О. Афанасій приободрялся, извлекалъ изъ своей памяти обрывки выдохшейся семинарской философіи и вступалъ съ дочерью въ споры, изъ которыхъ всегда выходилъ побѣжденнымъ, хотя и не признавалъ въ этомъ. Чтобы не отстать отъ дочери, онъ потихоньку отъ нея рылся въ старыхъ ученическихъ тетрадкахъ, валявшихся на чердакѣ, и иногда съ торжествомъ озадачивалъ Липочку какимъ нибудь мудренымъ метафизическимъ вопросомъ. Такъ какъ она по большей части не умѣла отвѣчать на эти вопросы, то о. Афанасій самодовольно хохоталъ и говорилъ: „а что, братъ, вотъ тебѣ и старый попъ! Ужъ не вовсе дураками мы тутъ въ деревнѣ то живемъ, съ академиками вашими поспорить можемъ!“ И Липочка тоже смѣялась, хотя про себя почему то думала: „бѣдный папаша“!... Она еще не признавала хорошенького, но уже чувствовала, что скоро между нею и отцомъ сверзнется громадная пропасть и раздѣлитъ ихъ навсегда...

По вечерамъ, когда огненный закатъ золотымъ дождемъ сыпался на затихшія нивы и когда синія сумерки тихонько ткали свою таинственную паутину во всѣхъ углахъ поповскаго домика, отецъ съ дочерью садились подъ окномъ и стройно пѣли вдвоемъ разные духовные стихи и сантиментальные романсы. И сосѣди, прислушиваясь къ этимъ красивымъ, тягучимъ напѣвамъ, говорили между собою: „нашъ попъ съ своею поповной поетъ. Ишь, Липочка то, такъ и заливается!...“

А нѣжный дѣвичій голосокъ все звенѣлъ и дрожалъ въ голубой тишинѣ лѣтней ночи, и измученныя мужицкія души смягчались и начинали тихо тосковать о какой то лучшей долѣ, которой онѣ никогда не знали...

Однажды Липочка вмѣстѣ съ другими книжками привезла изъ города кучу маленькихъ листовокъ и съ озабоченнымъ видомъ сказала отцу.

— Отчего бы намъ, папаша, не устроить въ Котоваловѣ народныхъ чтеній? Вотъ мы сколько живемъ-живемъ здѣсь, а ничего для мужиковъ не дѣлаемъ! Теперь вездѣ устраиваютъ народныя чтенія, — и въ городѣ, и въ деревняхъ, читаютъ разныя книжки, показываютъ волшебный фонарь, а у насъ нѣтъ ничего.

О. Афанасій обезпokoился.

— Вотъ еще, какія-такія народныя чтенія? Не къ чему это, да и не наше дѣло! возразилъ онъ.

— Какъ же не наше? сказала Липочка. Для чего же мы учимся? Мужики все для насъ дѣлаютъ, — и работаютъ, и пахутъ, и сѣютъ, — должны же и мы имъ за это чѣмъ нибудь отплатить?

— То есть какъ это отплатить? спросилъ отецъ Афанасій.

— А вотъ, учить ихъ, книжки имъ давать, помогать, чѣмъ можно.

— Ерунда какая то! сказалъ отецъ Афанасій. За чѣмъ помогать, за чѣмъ учить? Для этого учителя есть, школы есть, а наше дѣло здѣсь сторона. И какъ это такъ мы ничего не дѣлаемъ? Слава богу, я двадцать лѣтъ священнослужительскую, завѣдую паствою своею

изрядно, награду имѣю, значитъ, чѣмъ нибудь да заслужилъ! Какъ же ничего не дѣлаю? Мужикъ свое дѣло дѣлаетъ, я — свое. Онъ пашетъ; я церковную службу справляю. У каждого свое дѣло, и никто никому не обязанъ.

Липочка слушала и нетерпѣливо кусала губы.

— Все это не то, папаша! сказала она когда, отецъ кончилъ. Вы говорите, — каждому свое дѣло, а почему же это одни должны больше работать, а другіе — меньше? Вѣдь мужики все таки больше всѣхъ работаютъ, а хуже всѣхъ живутъ. Вы вотъ кончите свою службу и отдыхаете, а мужикъ цѣлый день работаетъ и все таки живетъ впроголодь. У насъ и домъ хорошій, и комнаты свѣтлыя, и ѣдимъ мы хорошо, а мужикъ придетъ къ себѣ въ избу — тамъ и телята, и овцы, и дымъ, и чадъ... Про ѣду и говорить нечего, — сами знаете, папаша, чѣмъ они кормятся, Даже больнымъ не на что бѣлаго хлѣба купить. И ничего то, ничего то они не знаютъ, а мы вотъ и знаемъ, а помочь имъ не хотимъ... На что тогда и ученье? Вы вотъ меня въ училище отдали, а Степанидина Фроська, съ которой мы, маленькія, вмѣстѣ играли, — даже грамотѣ не знаетъ. А чѣмъ она хуже меня? Мнѣ на нее даже глядѣть стыдно, папаша... будто я ее обокрала...!

Липочка вся раскраснѣлась, губы ея дрожали и, когда она кончила говорить, на большихъ глазахъ ея свѣтились слезы.

Отецъ Афанасій растерянно поглядѣлъ на дочь и подошелъ къ ней ближе.

— Липочка, Липочка, да откуда ты эдакихъ идей набралась? зашепталъ онъ съ испугомъ. Ты какихъ нибудь книжонокъ запрещенныхъ не пачиталась ли, а? Вѣдь это, братецъ ты мой, социализмъ, чистѣйшій социализмъ, ей богу! Говори скорѣй, показывай, что у тебя тамъ въ чемоданѣ то припрятано? Можетъ, „Народная Воля“ какая нибудь? Такъ давай ее сюда сейчасъ, вотъ ее, проклятую, въ печкѣ сожгу...

Липочка засмѣялась сквозь слезы.

— Какая „Народная Воля“, папаша, какой социализмъ, ничего у меня нѣту... Ахъ, папаша, и безъ запрещенныхъ книжекъ все видно!...

Однако, не смотря на ея увѣренія, что ничего запрещеннаго у нея нѣтъ, о. Афанасій не повѣрилъ и, улучивъ минутку, когда дочери не было дома, какъ тать въ нощи, прокрался въ ея комнатку, заперся на ключъ и перерылъ вверхъ дномъ все ея имущество. Но ничего запрещеннаго онъ не нашелъ и весь красный, запыхавшійся, стыдясъ самого себя, вышелъ изъ комнаты. „Господи, господи!“ шепталъ онъ, крестясь передъ образомъ. „Вотъ до чего дожилъ, родной дочери не вѣрю... Прости ты меня, господи, — что же мнѣ дѣлать, жалко мнѣ ее... Сохрани ты ее и помилуй, — вѣдь одна она у меня, одна... И откуда она этого социализму набралась, если не изъ книжекъ? Въ воздухѣ, что ли онъ летаетъ, демонъ проклятый?“...

Неизвѣстно, замѣтила ли Липочка, что отецъ рылся у нея въ комнатѣ, но она вдругъ стала съ нимъ сдержаннѣе, ничего не рассказывала о своихъ планахъ, какъ бывало прежде, и даже оставаться съ нимъ наединѣ избѣгала. Схватить книжонку какуюнибудь и убѣжить куда то или уйдесть къ учительницѣ въ школу и сидить тамъ цѣлый день. Потомъ стала зазывать къ себѣ ребятшекъ, учила ихъ читать или рассказывала чтонибудь. О. Афанасій вздыхалъ и наблюдалъ исподтишка. Замѣтилъ онъ, что въ церковь она стала ходить рѣдко, замѣтилъ, что книжки мужикамъ раздавала, и родительское сердце его ныло и болѣло отъ предчувствія какой то неминуемой бѣды.

Лѣто прошло благополучно, и Липочка уѣхала доканчивать курсъ. Когда она пріѣхала на Рождество, о. Афанасій встрѣтилъ ее съ какимъ то торжественно-таинственнымъ видомъ и, послѣ первыхъ привѣтствій, лукаво подмигивая ей, сказалъ:

— А знаешь, Липочка, какой я тебѣ сюрпризъ приготовилъ?

Липочка глядѣла на него съ удивленіемъ, ничего

не понимая. Тогда о. Афанасій на цыпочкахъ подошелъ къ ея комнатѣ, отворилъ дверь и, отступивъ на два шага, залился беззвучнымъ смѣхомъ. На Липочкиномъ столѣ стоялъ волшебный фонарь со всѣми приспособленіями и лежала куча картинъ и книжекъ. Липочка радостно захлопала въ ладоши и бросилась обнимать отца.

— Ну что, каковъ у тебя батька то? говорилъ о. Афанасій, потирая руки. Вотъ тебѣ и попъ! Погляди ка, какія мы чтенія то устроимъ! Загремимъ на всю губернію! Я ужъ и разрѣшеніе получилъ. Вотъ на святкахъ и закатимъ.

Липочка съ интересомъ перебирала книжки и картинки. Онѣ были все больше духовно-нравственнаго содержанія, но это ее не смущало. Главное, разрѣшеніе было получено, волшебный фонарь есть, а тамъ ужъ она сама выберетъ, что читать.

На святкахъ они устроили чтенія въ школѣ. Читала учительница, а Липочка помогала. Она увлекалась чтеніями страшно, сама мочила простыни, сама наблюдала за порядкомъ. Народу собралось чуть не со всего села: ломились въ двери, лѣзли въ окна и даже выдавили стекло. О. Афанасій негодовалъ и сталъ даже потрухивать.

— Охъ, смотри, какъ бы намъ съ тобой за это не дали по шапкѣ! Дойдетъ до владыки, что у насъ въ школѣ эдакое безчинство, — насыплеть онъ намъ орѣховъ. Вотъ ты говоришь, — народъ - народъ, мужички - мужички, надо имъ просвѣщеніе, и то, и се — а вотъ они, мужички то твои! лѣзутъ, орутъ, точно въ кабакѣ... Ни къ чему все это ты затѣяла!

— Подождите, папаша, говорила Липочка.

И, дѣйствительно, когда послѣ третьяго чтенія мужики вдругъ привалили гурьбой къ о. Афанасію благодарить его и дочку за „науку и удовольствіе“ и въ заключеніе просили, нельзя ли и въ посту такую штуку устроить. о. Афанасій опять расцвѣлъ и успокоился.

— А, вѣдь, и вправдѣ никакъ дѣло то на ладъ по-

шло! сказалъ онъ. Что жъ это, и въ самомъ дѣлѣ, все кабакъ да кабакъ, — будто уже кромѣ кабака мужику и не нужно ничего! Нѣтъ, это ты хорошо выдумала, Липочка! Велики ли деньги 50 рублей, а и намъ удовольствіе, и мужикамъ польза! Надо и объ этомъ подумать, — не все имъ дураками сидѣть!

— Я вѣдь вамъ говорила, панаша! сказала сіяющая Липочка.

Вскорѣ она уѣхала изъ Котовалова, но не прошло еще и мѣсяца съ ея отъѣзда, какъ вдругъ въ одинъ пасмурный февральскій день къ ней неожиданно-негаданно явился о. Афанасій и, испросивъ разрѣшенія у начальницы общежитія, увезъ ее къ себѣ въ номеръ. Онъ имѣлъ испуганный видъ и всю дорогу до гостинницы ничего не хотѣлъ отвѣчать на ея нетерпѣливые вопросы.

— Да что такое случилось, папаша? сказала Липочка, когда они, наконецъ, очутились въ номерѣ.

О. Афанасій прежде, чѣмъ отвѣтитъ, тщательно заперъ дверь, посмотрѣлъ во всѣ углы и затѣмъ уже обратился къ дочери.

— Ну, Липочка, бѣда! началъ онъ шепотомъ, озираясь по сторонамъ. Вотъ тебѣ и чтенія! Вѣдь меня изъ за этого и въ городъ вызвали!

— Какъ вызвали?

— Самъ владыко! Ты что это, говоритъ, тамъ народъ мутитъ, старый хрѣнъ? Твоя, говоритъ, священная обязанность охранять государственный порядокъ и благочиніе, а ты бунты, говоритъ, заводишь? Господи, говорю, да какіе же, ваше преосвященство, бунты? Знаю, говоритъ, все знаю, не отрекайся! На тебя донось есть. Въ школѣ народъ собираешь, зрѣлища богомерзкія устраиваешь, смущеніе въ умахъ производишь... Владыко! говорю, — да вы же сами мнѣ религіозно-нравственныя чтенія разрѣшили! Мало ли, говоритъ, что! Читай въ церкви, а не на площади, учи паству съ амвона, какъ подобаетъ сану твоему, а фонари эти всѣ волшебные брось, чтобы я объ нихъ

больше яе слыхаль... Погрозилъ мнѣ пальцемъ и отпустилъ. Вотъ какія дѣла то, Липочка!

Липочка сидѣла вся поблѣднѣвшая, насупленная и молчала. А о. Афанасій продолжалъ съ волненіемъ:

— Да, Липочка, попалъ я на старости лѣтъ въ неблагонадежные! То-то, гляжу, чего это становой все по селу шнырить? То, бывало, и глазъ не кажетъ, — развѣ когда недоимку съ мужиковъ пріѣдетъ взыскивать, — а то вдругъ такъ и верещить подъ окнами: дзынь! дзынь! дзынь! Анъ вотъ оно что вышло! Смущеніе, говоритъ, въ умахъ производишь! Какое-такое смущеніе, боже ты мой? Ничего не знаю...

— Да что же это такое? проговорила, наконецъ, Липочка. Да вѣдь эдакъ жить нельзя, папаша! Какія же мы книжки читали? Самыя дозволенные! Неужели же скоро будетъ нельзя корку хлѣба подать нищему безъ разрѣшенія начальства?

О. Афанасій замахалъ на нее руками.

— Ну-ну-ну, Липочка, молчи, голубчикъ, лучше... Какъ такъ жить нельзя, — можно! Живи только тихонько да смиреннько, на трогай никого, и тебя никто не тронетъ!...

— Не хочу я такъ жить! крикнула Липочка съ гнѣвомъ. Не хочу, не могу и не буду!... Это не жизнь, а тюрьма какая то!... Возмутительно!... Народъ нищій, голодный, безграмотный — и не смѣй ему книжку дать, не смѣй съ нимъ говорить по человѣчески, не смѣй ему рассказать, что всѣ его обманываютъ, грабятъ, бьютъ, насильничаютъ надъ нимъ... Проклятые! проклятые!...

И Липочка разрыдалась на весь номеръ. О. Афанасій перепугался, побѣжалъ за водой и насилу отпоилъ ее и успокоилъ. Возвратилась она въ общежитіе, молчаливая, задумчивая, съ заплаканными глазами, такъ что Ежевика посмотрѣла на нее подозрительно и сладкимъ голосомъ спросила:

— Что это, милочка, у васъ дома несчастье какое нибудь случилось?

— Нѣтъ, ничего, неохотно отвѣчала Липочка.

Ежевика покачала головой, почесала свою бородавку и ушла. Давно уже она стала замѣчать, что у Липочки испортился характеръ, и изъ веселой, послушной и откровенной дѣвочки она превратилась въ скрытную, раздражительную и недовѣрчивую. Переменѣ эту Ежевика приписывала вліянію молодого учителя исторіи, сестра котораго тоже училась въ Епархіальномъ училищѣ и постоянно таскала въ классъ какія то таинственныя тетрадки, записочки, а однажды притащила даже прокламацію. Прокламація въ стѣнахъ закрытаго женскаго учебнаго заведенія, да еще духовнаго!... Это было что то невѣроятно-ужасное... Ежевику чуть не хватило ударъ, прокламацію отобрали и торжественно сожгли, а виновницу хотѣли исключить, но вмѣшался въ дѣло архіерей и, во избѣжаніе непріятной огласки, дѣло замяли. Только Ежевика удвоила свою бдительность и чуть не каждый день производила рекогносцировки въ классахъ и спальняхъ ученицъ, обшаривая попитры, лазя подъ подушками и выворачивая карманы у наиболѣе подозрительныхъ дѣвицъ.

Нѣсколько времени спустя послѣ неожиданнаго визита о. Афанасія, Липочка получила отъ него письмо слѣдующаго содержанія: „Ну, Липочка, дѣло наше разъяснилось — вышла вонъ какая штука то! Доносъ написалъ благовѣщенскій попишка, Евстратій: давно ужъ онъ на мой приходъ зарится, вотъ и подложилъ свинью. Да не выгорѣло его дѣло, не удалось скovyрнуть. Вчера былъ у меня становой, пили чай и водочку, и вотъ онъ мнѣ все рассказалъ. Попросилъ книжки показать, какія мы читали, смотрѣлъ и такъ, и эдакъ, и сзади, и спереди и ничего возмутительнаго не нашелъ. Письма твои всѣ перечиталъ и похвалилъ, что слогъ у тебя очень хорошій. А затѣмъ и говоритъ: чтенія можете продолжать, только предварительно сообщите мнѣ, что будете читать, да еще чтобы ваша дочка никакихъ разъясненій отъ себя не дѣлала, когда картинки пока-

зывать будетъ. — Такъ то, Липочка, наша взяла, и свѣтъ правды возсіялъ. Кричи, Липочка, ура!...“

Но Липочка кричать „ура“ не стала и, прочитавъ это письмо, только грустно и немножко презрительно улыбнулась. Теперь чтенія эти нисколько ее не интересовали, — какія ужъ это чтенія, когда становой будетъ просматривать каждую книжку, а слушателямъ нельзя будетъ даже разъяснить, что изображено на картинкѣ!... И притомъ на умѣ у Липочки было другое. Въ это время въ Москвѣ, въ Петербургѣ, въ Харьковѣ, въ Кіевѣ происходили студенческіе беспорядки, и смутные слухи о нихъ проникли даже въ стѣны Епархіальнаго училища, волнуя молодые сердца. Рассказывали, что во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ были громадныя сходы молодежи, недовольной правительственнымъ гнетомъ, и что толпы полицейскихъ и казаковъ врывались въ зданіе университета и плетями гнали студентовъ на улицы. Говорили о страшныхъ избиеніяхъ, о раненыхъ, даже убитыхъ, изъ которыхъ было много женщинъ... Сообщали потихоньку, что въ городъ привезли съ жандармами нѣсколько студентовъ и курсистокъ, и кто то видѣлъ даже, что у одного студента была обвязана голова. Епархіалки жадно ловили эти слухи, и души ихъ наполнялись жгучимъ негодованіемъ противъ жестокаго правительства и горячимъ сочувствіемъ къ юнымъ героямъ, которые, не смотря на свою молодость, шли на борьбу съ страшнымъ врагомъ, не жалѣя своей жизни и своей будущности, между тѣмъ какъ ихъ трусливые родители дрожали въ рабскомъ страхѣ и не осмѣливались открыто выступить на защиту своихъ изсѣченныхъ казацкими плетями дѣтей. Липочка и ея подруга, сестра учителя исторіи, даже по ночамъ не спали, взволнованныя этими событіями, а если и засыпали, то имъ снились толпы народа, надъ которыми развѣвались красныя знамена, слышались звуки грозной Марсельезы, ревъ и дикій топотъ казацкихъ лошадей, свистъ нагаекъ, шумъ кровавой бойни...

— Боже мой, боже мой! шептала Липочка, просы-

паясь вся дрожащая, въ холодномъ поту... Что же дѣлать, что дѣлать, — развѣ можно такъ жить? Лучше умереть тамъ, вмѣстѣ съ ними, но не жить такъ, какъ мы всѣ живемъ. Это не жизнь, а позоръ!... Стыдно такъ жить...

Однако, не смотря на всѣ эти волненія, Липочка сдала свои экзамены благополучно, получила даже награду и вернулась въ Котовалово. О. Афанасій былъ очень радъ, что она хорошо кончила курсъ, но перепугался, увидѣвъ ее похудѣвшею и поблѣднѣвшею.

— Что это съ тобой, Липочка? спрашивалъ онъ, суетясь вокругъ нея. Ты сама на себя не похожа!... Гдѣ твои ямочки? Гдѣ твои полненькія щечки? Все экзамены проклятые съѣли... Ну вотъ подожди, поживешь у меня, отдохнешь, откормишься, — заживемъ мы съ тобою. Чтенія опять заведемъ!...

Липочка молчала. Ей не хотѣлось пока разочаровывать отца, но она уже твердо рѣшила ѣхать въ Петербургъ и ждала только удобной минуты, чтобы сообщить о. Афанасію.

Минута эта наступила. Однажды о. Афанасій вернулся откуда то веселый, немножко подъ хмѣлькомъ и, по обыкновенію, подсѣвъ къ Липочкѣ, сказалъ:

— Ну, Липочка, а я тебѣ и дѣло нашелъ. Былъ я у земскаго начальника, а онъ мнѣ и говорить: „наслышаны мы, что у васъ дочка курсъ окончила и чрезвычайно даже отмѣнно. Ну съ, такъ вотъ, нужно бы мнѣ дѣвочку свою въ гимназію подготовить, — не возьмется ли ваша дочка? За вознагражденіемъ я не постою, каждый день за ней лошадей своихъ буду присылать.“ — Съ великимъ удовольствіемъ, говорю. Что, Липочка, каково?

Липочка поблѣднѣла и тяжело перевела духъ, какъ будто ей трудно было дышать.

— Я, папочка, здѣсь не останусь, сказала она наконецъ.

О. Афанасій отшатнулся отъ нея, и веселая улыбка исчезла съ его губъ.

— То есть, какъ же это? спросилъ онъ.

— Я хочу въ Петербургъ ѣхать, папаша. На курсы поступлю.

О. Афанасій всталъ и прошелся по комнатѣ, растерянно потирая лобъ. Потомъ онъ остановился передъ ней съ потемнѣвшимъ лицомъ, съ нехорошею усмѣшкой, исказившей его добродушную фізіономію.

— А деньги откуда возьмешь? спросилъ онъ.

— Деньги вы дадите, папаша. А не дадите, я и безъ денегъ уйду.

— Безъ денегъ? Такъ съ!... А тамъ, въ Питерѣ то, что же дѣлать будешь? По Невскому шляться? Или съ студентами распутничать?

Онъ вдругъ дико расхохотался, потомъ смѣхъ его перешелъ въ плачъ, и онъ вышелъ изъ комнаты, крѣпко хлопнувъ дверью. Липочка осталась одна, блѣдная, какъ мертвецъ, съ окаменѣвшимъ лицомъ.

Въ этотъ вечеръ о. Афанасій въ первый разъ при дочери напился мертвецки пьянъ, и слышно было, какъ онъ бурлилъ у себя въ комнатѣ, стучалъ кулакомъ по столу, билъ посуду и то принимался рыдать, то кричалъ на весь домъ: „Ага... вотъ оно какъ теперь!... Дѣти умнѣе отцовъ стали... превосходно! отлично! Я ее кормилъ - поилъ, на своихъ рукахъ нянчилъ... Самъ рожочекъ ей давалъ... пеленочки перемѣнялъ... (Тутъ слышались рыданія). А она... Липочка... тварь бездушная она, а не дочь мнѣ! Не дочь! Иди... таскайся!... Дрянь!“

Такъ продолжалось всю ночь и весь слѣдующій день, а Липочка, чтобы не слышать пьяныхъ криковъ отца, убѣгала изъ дому, пряталась по огородамъ и избѣгала даже встрѣчаться съ своими деревенскими пріятелями.

Но черезъ нѣсколько дней о. Афанасій вышелъ изъ своей комнаты совершенно трезвый, хотя осунувшійся, постарѣвшій на много лѣтъ, и, повидимому, совершенно спокойно сказалъ, избѣгая смотрѣть на дочь.

— Въ Петербургъ хочешь ѣхать? Поѣзжай. Денегъ я тебѣ дамъ.

Липочка не выдержала, заплакала и бросилась къ отцу. Но онъ отстранилъ ее отъ себя и нетвердымъ голосомъ произнесъ:

— Ну - ну - ну... не надо! Знаю... все знаю! Поѣзжай, учись... Что же дѣлать, время ужъ такое... Иди, иди на погиб...

Онъ не договорилъ и поспѣшно ушелъ въ свою комнату.

Время до Липочкина отъѣзда прошло какъ то странно. Все какъ будто шло по прежнему, и въ то же время что то оборвалось между отцомъ и дочерью. О. Афанасій былъ сдержанъ и не заговаривалъ о Петербургѣ; Липочка была молчалива и грустна, цѣлые дни проводила у себя въ комнатѣ, читала и писала письма. — Но наканунѣ отъѣзда о. Афанасій прорвался. Онъ опять гдѣ то подвыпилъ и пьяненькій вошелъ въ комнату дочери.

— Ну, Липочка... прощай, братъ! заговорилъ онъ, запинаясь. Пр - рошай... Я, вѣдь, знаю, что ты не вернешься...

— Что вы, папаша, какъ не вернусь? сказала Липочка, стараясь казаться веселой, хотя сердце у нея больно сжалось. Весной же и пріѣду!

— Н - не пріѣдешь... я знаю! продолжалъ о. Афанасій. Ты у меня хорошая, добрая... Ну, такъ, значить, тому дѣлу и быть! Не даромъ бабка то старая пророчила... Ахъ, Липочка, Липочка, куда ты идешь, и сама не знаешь!... вскрикнулъ онъ вдругъ и съ рыданьями, обнявъ Липочкину голову обѣими руками, сталъ ее цѣловать.

На другой день Липочку пришли провожать всѣ знакомые и сосѣди, — кто принесъ пышекъ на дорогу, кто — шерстяные чулки въ подарокъ. Всѣ знали, что она далеко ѣдетъ и вернется не скоро. Притащилась и бабка - Афимья, которая отъ старости почти совсѣмъ въ землю вросла, и сердито шамкала, глядя на Липочку

своими гноящимися, полуслѣпыми глазами: „и куда ѣдешь, и зачѣмъ ѣдешь бо - знать куда? Жила бы съ нами, я бы тебѣ женишка хорошаго нашла. Ишь, вѣдь, не сидится ей около папаша“...

Липочка улыбалась сквозь слезы и ничего не говорила ей въ отвѣтъ.

Когда Липочка пріѣхала въ Петербургъ и вышла со своимъ чемоданчикомъ на подъѣздъ Николаевского вокзала, у нея даже духъ захватило отъ всего этого движенія, стука, грохота и блеска, наполнявшаго Невскій проспектъ. Точно бурное море волновалось вокругъ нея, и что то зловѣщее, угрожающее чудилось ей въ его могучемъ рокотѣ. Только черезъ нѣсколько минутъ она пришла въ себя и, нанявъ извозчика, вмѣстѣ съ своимъ чемоданчикомъ своимъ, исчезла въ этомъ грохочущемъ потокѣ людей и экипажей.

Ее приняли на акушерскіе курсы, и она поселилась на Гончарной улицѣ, на шестомъ этажѣ, въ крошечной комнаткѣ окнами на дворъ. Съ одной стороны у нея жили тоже слушательницы Надеждинскихъ курсовъ — втроемъ въ одной комнатѣ, — а съ другой ютилась какая то работница съ ниточной фабрики. У нея была не комната, а что то въ родѣ угла, отгороженного занавѣской рядомъ съ ватерклозетомъ. Липочка скоро со всѣми своими сосѣдками перезнакомилась и подружилась, но особенно ее заинтересовала работница. Это была высокая плотная дѣвица съ некрасивымъ, скуластымъ лицомъ и острыми, маленькими глазами, глядѣвшими всегда исподлобья. Говорила она грубымъ, почти мужскимъ голосомъ, манеры имѣла рѣзкія, размашистыя и была дерзка на языкъ. Хозяйка, крикливая бабенка, бывшая кухарка, но считавшая себя теперь „дамой“, называла ее „Анюткой“ и часто съ нею ругалась. Но Анютка въ обиду себя не давала и такъ отпечатывала иногда хозяйку, что та ничего лучшаго не могла придумать, какъ пуститься въ слезы и причитать на весь домъ, сколь много она, благородная дама, терпитъ отъ подлой деревской волохи. Поминался ка-

кой то генераль Барабановъ, у котораго она нѣкогда служила „за повара“, призывалось имя какой то баронессы фонъ - Бонъ, которая будто бы приходилась сродни самому градоначальнику, но Анютку не смущали ни генераль Барабановъ, ни баронесса фонъ - Бонъ, и съ дерзкимъ хохотомъ она кричала хозяйкѣ изъ своего темнаго, зловоннаго угла.

— А плевать мнѣ на твоего генерала, плевать на твою баронессу!... Ступай, холопья твои душа, подлизывать у нихъ тарелки, а я ихъ не боюсь! Подожди, скоро на нашей улицѣ будетъ праздникъ, и всѣ твои бароны и съ самимъ градоначальникомъ ко всѣмъ дьяволамъ полетятъ!...

Съ первой встрѣчи въ темномъ корридорѣ Анютка почему то вдругъ влюбилась въ Липочку и въ одно изъ воскресеній сама явилась къ ней въ комнату попросить „книжечки почитать“. Такъ завязалось ихъ знакомство. Каждый праздникъ, когда работы на фабрикѣ не было, Анютка приходила къ Липочкѣ, садилась передъ нею, а иногда становилась на колѣни, и восторженнымъ взглядомъ смотрѣла ей въ лицо.

— Глазки то какіе! А волосики то, — въ какомъ то молитвенномъ восторгѣ шептала она. А ручки то, пальчики то, — у, душоночки вы мои!...

И она начинала страстно цѣловать Липочкины руки.

— Ну что это вы, Анюта! конфузливо говорила Липочка.

Но въ отвѣтъ на это, Анюта кидалась на нее, какъ бѣшеная, и душила ее въ своихъ богатырскихъ объятіяхъ. Липочку сначала пугали эти дикіе порывы, и ее часто коробило отъ нѣкоторыхъ грубыхъ и циничныхъ выраженій Анюты, но скоро она къ нимъ привыкла и сама полюбила Анюту. Она скоро поняла, какая безконечно - добрая и благородная душа скрывалась подъ корявой и грубой оболочкой молодой работницы. Узнала Липочка, что Анюта, живя сама въ темномъ углу и щеголяя всегда въ одномъ и томъ же платишкѣ, изношенномъ и обтрепанномъ, въ то же время всѣ зарабо-

танныя деньжонки раздавала товаркамъ, которые были побѣднѣе и имѣли семью. Затѣмъ, зная, что сосѣдки-курсистки страшно нуждаются и часто голодаютъ, Анюта каждую субботу покупала имъ какого нибудь съѣстнаго, — колбасы, ситника или печенки и совала подъ дверь со словами: „пушай пожрутъ, — небось отощали, сердечныя!“

И когда Липочка застала ее однажды за этимъ занятіемъ, Анюта хитро подмигнула ей и шепнула: „не сказывайте, а то еще, чего добраго, осерчаютъ и жрать не станутъ“...

— Жалко мнѣ ихъ! говорила она послѣ Липочкѣ. Вѣдь, подумаешь, откуда приперли, — ни деньжонокъ, ни платишка, въ одной комнатишкѣ трое жмутся, а учатся! Подумаешь, жили бы себѣ при родителяхъ — и горя мало, а вотъ нѣтъ, ѣдутъ! И все для нашего брата стараются...

— Какъ для „вашего брата“? спросила Липочка.

— А то какъ же, — для кого же онѣ учатся то? Все для мужиковъ же. Поѣдутъ опять въ деревню, будутъ учить, лѣчить, — я вѣдь это хорошо тоже понимаю. Да теперича и изъ нашего брата — мужиковъ тоже много такихъ есть. Вотъ эта черненькая то, что къ нимъ часто въ гости ходить, — тоже крестьянская дочь. Ейный отецъ и по-сейчасъ землю пашетъ, — она сама мнѣ сказывала.

И, войдя вдругъ въ экстазъ, она бросалась на Липочку, тискала ее и трясла за плечи и вокликала:

— Эхъ, люблю я студентовъ! Наши они, за насъ стоятъ, — молодцы-ребята! Въ прошлую весну сколько ихъ въ Сибирь погнали, а все почему, — наши фабричныя черти не поддержали. Ухъ, и зла я на нихъ, — своей пользы, дураки, не понимаютъ! Такъ и пропало наше дѣло...

Она была грамотная, ходила въ воскресную школу и любила читать, но читала все, что попадалось подъ руку, безъ всякаго разбора. Липочка начала читать съ

ней вмѣстѣ, учила ее грамматикѣ и задавала писать сочиненія.

Нужно было видѣть сіяющую фізіономію Анюты, когда она въ первый разъ подала Липочкѣ тетрадку подъ заглавіемъ: „Горькая жисть и описаніе фабричной дѣвки, Анны Ермолаевой.“

— Ну что? спросила она, когда Липочка прочла тетрадку.

— Ничего, хорошо, только ошибокъ много, сказала Липочка.

— Ладно въ другой разъ меньше будетъ. Не все тебѣ сразу...

Разъ она пришла съ работы какая то разстроенная и, бурно ворвавшись къ Липочкѣ въ комнату, безпокойно оглядѣлась по угламъ.

— Что у тебя нынче никого не было? (Онѣ уже были на ты).

— Никого, а что?

— Знаешь, на Острову двухъ студентокъ забрали да студентовъ сколько то, шепотомъ сказала Анюта. Я чуть съ работы не убѣгла, — думаю, ну какъ и мою тоже скапали?

Она съ нѣжностью схватила Липочку за руки посадила ее рядомъ съ собой на кровать и, не сводя съ нея влюбленнаго взгляда, продолжала.

— Сдохну я, Липка, ежели тебя заберутъ! Жалко мнѣ тебя, — хорошенькая ты, бѣленькая, нѣжненькая, — слопаютъ тебя жандармы! Подлецы они всѣ! Ну пускай меня заберутъ, — я таковская! Начнутъ допрашивать, — я и по матушкѣ ихъ огрѣю, не побоюсь! А ты попадешься, — измытарятъ они тебя...

— Да вѣдь еще не взяли, смѣясь, сказала Липочка.

— Нынче не взяли, — завтра возьмутъ. А ты вотъ что, Липочка, ты, ежели у тебя что есть запрещенное, ты мнѣ подъ сохранѣ давай. Я ужъ не выдамъ. Оно точно, изъ нашей сестры всякія дуры есть; вотъ въ прошломъ году двухъ взяли, такъ онѣ въ охранкѣ бо-
знять чего наболтали. Ну, я не таковская; я себѣ языкъ

отгрызу, не скажу ничего. А лучше всего, Липочка, не мѣшайся ты въ эти дѣла, — и безъ тебя много народа есть!

— То есть — это какъ же, — другія пусть пропадаютъ, а я буду въ сторонкѣ сидѣть да дожидаться? Нѣтъ, Анюта, это нехорошо: ужъ пропадать, такъ всѣмъ вмѣстѣ. А то эдакъ, пожалуй, и всѣ скажутъ: „пускай другіе работаютъ, а я посижу, да подожду“. Кто же тогда дѣло то дѣлать будетъ?

Анюта вздохнула.

— Эхъ, Липочка, да ужъ больно люблю я тебя! Да и всѣхъ васъ люблю, — хорошіе вы всѣ, за рабочій народъ стоите... Никакъ не пойму я, за что вы насъ возлюбили? Грязные мы, темные, невѣжи, и любить то насъ не за что, а вотъ поди жь ты, сколько вы за насъ терпите... Чистенькіе, хорошенькіе, богатыхъ родителей дѣтки, — идутъ въ Сибирь, мучаются... почему такое?

— А вотъ потому, Анюта, что стыдно имъ передъ вами. Они то чистенькіе, богатенькіе, и все у нихъ есть, а вы — грязные, бѣдные, и ничего у васъ нѣтъ. А отчего у васъ нѣтъ? Развѣ вы работаете мало? Да вы больше насъ работаете, только богатые у васъ все отбираютъ и на вашъ же счетъ живутъ. Вотъ молодежи то нашей и стыдно стало. Поняли они, что васъ обижаютъ, притѣсняютъ и отбираютъ, и рѣшили отъ всего отказать и пойти вашей братіи помогать. А богачамъ это не нравится, вотъ они и сажаютъ насъ въ тюрьмы. Боятся они, какъ бы ихъ царству конецъ не пришелъ. А онъ придетъ, Анюта, скоро придетъ, потому что и ваша братія — рабочій народъ тоже начинаетъ понимать, что ихъ обижаютъ. Тоже вѣдь и имъ хочется пожить по человѣчески, въ теплѣ и чистотѣ!

Анюта слухала Липочку съ напряженнымъ вниманіемъ и вдругъ спросила ее, понизивъ голосъ:

— А про Соню Перовскую ты слыхала?

Липочка кивнула головой.

— Эхъ, вотъ тоже хорошая то была!... съ восторгомъ зашептала Анюта. Сенаторская дочь, а тоже за на-

пу братію пропала. Повѣсили ее... Молодецъ-дѣвка, ничего не побоялась... Кажется, еслибы она жива была, я бы ей всѣ ножки расцѣловала! Знаешь что, Липочка, я думаю, она на тебя похожа была...

— Ну вотъ еще, сравнила! Далеко кулику до Петрова дня.

— А все таки, ежели жандармы брать тебя придутъ, я ихъ всѣхъ расшвыряю! Хоть одному дьяволу глотку перегрызу! угрожающе добавила она и погрозила кулакомъ въ уголь, какъ будто тамъ сидѣлъ воображаемый жандармъ.

Время шло незамѣтно. Липочка усердно посѣщала курсы, лекціи, собранія, перезнакомилась съ студенческими кружками и совершенно втянулась въ Петербургскую жизнь. О. Афанасію она писала часто, но онъ отвѣчалъ ей рѣдко и мало, причемъ она замѣчала, что почеркъ его становился все неразборчивѣе и неразборчивѣе. Передъ Рождествомъ пріѣхала въ Петербургъ ея подруга по училищу, сестра учителя исторіи, Маша Рождественская, и рассказала ей, что она поступила было въ сельскія учительницы, но была заподозрѣна въ неблагонадежности и получила отказъ отъ мѣста. Липочка была ей очень рада, и онѣ поселились вмѣстѣ, что вызвало бурные взрывы ревности со стороны Анюты. Но потомъ все уладилось. Анюта раскаялась и также бурно просила прощенія у обѣихъ, колотя себя въ грудь и восклицая: „дура я, подлая, скверная дѣвка, больше ничего! Плюнь, Липочка, мнѣ въ морду, ей богу, плюнь, больше ничего я не стою!...“ И такъ какъ никто не хотѣлъ плевать ей въ морду, то она подходила къ зеркалу и сама себѣ показывала кулаки со словами: „у, рыло эдакое! Глядѣть тошно на тебя, образину, а туда же хочеть, чтобы ее обожали...“ Липочка съ Машей хохотали до слезъ, а глядя на нихъ, смѣялась и Анюта. Скоро она подружилась и съ Машей, и у нихъ образовался тѣснѣйшій „тройственный союзъ“, какъ шутили прозвали ихъ товарищи-студенты.

Наступило Рождество, и хотя въ Петербургѣ было

не спокойно, не прекращались обыски и аресты, на фабриках глухо волновались рабочие, а в университетах поговаривали о новой демонстрации, — молодежь беззаботно веселилась и плясала на вечеринках, не думая о том, что, может быть, завтра многие из них будут выхвачены из товарищеской среды и отправлены в жандармские застенки. Несмотря на то, что полиция удвоила свою бдительность, и сыск развился до небывалых размеров, на вечеринках гремела рабочая Марсельеза, распевалась юмористическая „Нагаечка“, и декламировались стихотворения, в которых предавалось проклятию жалкое царствование жалкого Николая, взвалившего на слабые плечи кровавое наследие отца — разоренную и измученную под гнетом самодержавного кулака Россию... В воздухе чувствовалось напряжение приближающейся грозы, и возбужденная молодежь смело бросала вызов в лицо своему врагу, утратив всякий страх перед тюрьмами, солдатчиной и нагайками, которыми императорское правительство тщетно силилось поддержать полусгнивший трон венецносного вырожденца. Напротив, гибель товарищей только еще больше зажигала юную кровь, и имена погибших мучеников служили лозунгом для передовых революционных отрядов.

Так как несколько вечеринок было разогнано полицией, и участники их переписаны, то Новый год решили встретить где-нибудь за городом. Нашлась и квартира: один богатый сибиряк, у которого дочь училась на курсах, дал свою загородную дачу, построенную в стиле старинных помещичьих домов, с большой залой, с хорами, с боскетными и диванными комнатами. Веселая, развратничавшаяся на морозы молодежь стала собираться к 10 часам и шумною гурбою разсыпалась по палатам богача. Звонкий смех, говор и пенье наполнили пустые, молчаливые гостиные, в которых царил тяжелый, нежилой запах. В складчину было устроено скудное угощение — чай с бутербродами, пиво и для встречи Нового года — де-

шевая шипучка. Всѣ хозяйственныя заботы взяла на себя дочь богача и съ помощью своей преданной няньки разливала чай въ громадной столовой. Послѣ чая кто то заигралъ на рояли, и затѣялись разные танцы — кадрили, венгерка, па-де-патинеръ и модные вальсы. Но молодежи какъ то не танцовалось, и кто то громко крикнулъ:

— Къ черту танцы, господа, — надоѣло! Давайте лучше пѣть!

Образовался хоръ, и по залѣ поплыли заунывные звуки „Дубинушки“. Потомъ „Дубинушка“ смѣнилась малороссійской пѣсней: „закувала та сыза зозуля“, но у пѣвцовъ что то не вышло, и они не допѣли ея до конца.

— Эхъ, братцы, хорошо эту пѣсню въ прошломъ году Гусаренко запѣвалъ! сказалъ одинъ студентикъ. Коль начнеть, бывало: „а на Украинѣ сонечко съе, наше козацтво гуляе-гуляе, да й насъ выглядаетъ“, — эхъ! такъ слеза и прошибаетъ!

— А гдѣ онъ теперь, Гусаренко? спросилъ кто то.

— Какъ гдѣ? Развѣ не слыхалъ? слышались голоса. Его арестовали весной, а лѣтомъ онъ въ тюрьмѣ ламповымъ стекломъ зарѣзался...

На минуту всѣ смолкли, и въ огромномъ залѣ воцарилась тишина, точно черный ангелъ смерти пронесся надъ головами присутствующихъ, и всѣ почувствовали холодное дуновеніе его зловѣщихъ крыльевъ.

— Ну, довольно, господа, не вѣшать головы! крикнулъ тотъ же студентикъ и, вскочивъ на стулъ, запѣлъ:

Дружно, товарищи, въ ногу,
Духомъ окрѣпнувъ въ борьбѣ,
Въ царство свободы дорогу
Грудью проложимъ себѣ...

Всѣ подхватили пѣсню, и бодрые, вызывающіе звуки бурнымъ потокомъ понеслись подъ сводами залы.

„Тройственный союзъ“ тоже присутствовалъ на вечеринкѣ, причемъ Анюта имѣла какой то таинственный видъ и, хитро посмѣиваясь, выглядывала изъ уголка залы, куда она забилась.

„Милая моя дочка, поздравляю тебя съ Новымъ годомъ и съ новымъ счастьемъ. Дай Боже тебѣ здоровья и всякаго успѣха въ наукахъ, а пуще всего береги ты себя отъ всякихъ злыхъ и вредныхъ увлеченій. Нѣсть власти еще не отъ Бога, и великій грѣхъ тому, кто преступаетъ заветъ Божій и безумно возстаетъ на законъ и порядокъ, установленный помазанникомъ Божиимъ. Ради меня, стараго отца твоего, сторонись, Липочка, отъ лжеучителей и совратителей, и благо ти будетъ! — А насъ, Липочка, посѣтилъ Господь: все село перебрала какая то гнилая горячка, — докторъ говоритъ — голодный тифъ. Оно и похоже на правду, потому въ нынѣшнемъ году мужички много претерпѣли отъ неурожая и крѣпко оскудали хлѣбомъ. Въ амбарахъ ни у кого ни зерна не осталось, и даже богатѣи наши прошлогодніе скирды почали. Что то будетъ, Липочка, и Богъ вѣдаетъ, а помощи ни откуда не видно... Бабка Афимья твоя померла, Фроська тоже померла, — въ три дня скрутило, а вѣдь какая дѣвка то здоровенная была! Да много народу вымела проклятая голодная горячка, опустѣло наше село. Одинъ пьяница-Анурка живехонекъ и велѣлъ послать тебѣ нижайшій поклонъ. Прощай, дочка моя родная, плетъ тебѣ благословеніе любящій отецъ твой смиренный іерей Афанасій“.

„Бѣдный, милый папаша“! подумала Липочка, складывая письмо. „Бѣдная бабка-Афимья и Фрося!.. Тихо и смиренно гибнете вы въ своихъ глухихъ деревняхъ, душитъ васъ безпросвѣтная тьма и голодный тифъ, а „помощи ни откуда не видно“... Гдѣ же этотъ „законъ и порядокъ“? Ахъ, папаша, да неужели ты до сихъ поръ не видишь, что нигдѣ нѣтъ ни порядка, ни закона? Когда же, наконецъ, вы, отцы наши, поймете это и вмѣстѣ съ нами пойдете искать настоящаго порядка и закона? Неужели никогда?“

Январь и февраль прошли довольно тихо. Демонстрація не удалась, потому что рабочіе не вышли въ назначенный часъ на улицу, — отчасти потому, что проливъ этого были приняты мѣры, и градоначальникъ рас-

порядился оцѣпить фабрики и заводы цѣлымъ полчищемъ полиціи и солдатъ, а отчасти потому, что сами рабочіе отнеслись равнодушно къ студенческимъ прокламаціямъ и говорили: „студенты бунтуютъ, а намъ какое дѣло? Намъ отъ этого лучше не будетъ, — накостыляютъ въ загривокъ въ охранкѣ, только и всего“... Анюта бѣсилась и ругала рабочихъ на чемъ свѣтъ стоитъ.

— Гдѣ же это народъ то, дѣвушки, гдѣ? говорила она. Обсчитываютъ насъ, обсчитываютъ, бьютъ — бьютъ, а мы все терпимъ? Что жъ дожидаться, когда насъ всѣхъ на молотилкѣ измолотятъ да съ кашей съѣдятъ? Нѣтъ ужъ, мое почтеніе! И такъ много обиды терпѣли, больше некуда! Пойду вотъ завтра на фабрику, выйду на середку и заору: „ребята, что жъ долго мы еще прохладжаться то будемъ? Отъ кого себѣ заступы ждемъ? Отъ генерала Барабанова что ль? Нѣтъ, ребятушки, покуда сами на улицу не выйдемъ да своими руками свое добро не возьмемъ, — ничего не будетъ! Такъ и зарубите у себя на носу“!

— Ну, Анюта, будетъ тебѣ! увѣщевали ее подруги. Рабочіе ни въ чемъ не виноваты: подожди, поймутъ хорошенько, что въ нихъ вся сила, они никого дожидаться не будутъ — сами пойдутъ, не удержишь!

— Да когда же они поймутъ? восклицала Анюта.

— Ишь ты какая нетерпѣливая! Тебѣ все сразу хочется? А ты подумай, много ли времени то прошло съ тѣхъ поръ, какъ рабочій человѣкъ самъ себя понимать началъ? Вѣдь ему не то что книжку почитать или подумать о чемъ нибудь, — умыться да поѣсть и то некогда! И все таки, смотри ка, сколько изъ рабочихъ хорошаго народу вышло? И не пересчитаешь!

— Гдѣ они? недовѣрчиво ворчала Анюта.

— А Халтуринъ — не рабочій? А Тихоновъ? А Михайловъ? пересчитывали подруги.

Анюта задумывалась и лицо ея начинало проясняться.

— А вѣрно, дѣвки! говорила она. И вправду нашего брата раскатать трудно, а ужъ какъ раскатаешь, —

держись! Эхъ, да и будетъ же когда нибудь на нашей улицѣ праздничекъ!

Сама она была на демонстраціи и видѣла съ горечью, какъ ея знамя, шитое съ такими надеждами и купленное на кровные гроши, было отобрано и трепалось за поясомъ у какого то пьянаго, краснорожаго казака, который съ дикимъ свистомъ врѣзывался въ безоружную толпу и размахивалъ нагайкой направо и цалѣво. Анюту разбирало сильное искушеніе ринуться на этого казака и отнять у него знамя, но бѣгущая толпа такъ притиснула ее къ какому то забору, что она чуть не задохлась и все въ синякахъ вернулась домой.

— Ну, погоди! говорила она, разсматривая свои кровоподтеки и царапины. Погодите же вы, пьяныя морды, въ другой разъ я съ голыми руками не пойду, а возьму съ собой пожикъ! Живая въ руки не дамся! ужъ шырну въ пузо какого нибудь подлеца!

Маша и Липочка тоже были во время свалки, но какимъ то чудомъ уцѣлѣли, хотя нѣкоторыя ихъ однокурсницы и между прочимъ одна изъ сосѣдокъ по квартирѣ были жестоко избиты. Въ городѣ царило глухое недовольство, и шла дѣятельная агитаціонная работа. По рукамъ ходило множество прокламацій и воззваній, которыя читались на расхватъ. А весною на нѣкоторыхъ фабрикахъ была неожиданно объявлена забастовка, и Анюта совсѣмъ пріободрилась. Каждый день приходила она съ работы возбужденная, взволнованная, воинственно настроенная, и приносила множество интересныхъ новостей.

— Ну, зашевелились наши! говорила она. Слава тебѣ, господи, начали поворачиваться! Должно, и у насъ на питочной скоро забастуютъ! Вы, дѣвки, давайте побольше мнѣ листовъ то вашихъ, я ихъ по нашей камерѣ пуцу! У насъ дѣвки хорошія. Есть тамъ одна, сволочь, подозрительная, да я ее вышибу! У насъ разговоръ короткій, — завяжемъ голову юбкой да такихъ кренделей нашьлемъ, — забудеть какъ отца родного зовутъ!

Въ разгарѣ своей бурной дѣятельности Анюта вдругъ стала необыкновенно подозрительна, и ей всюду мерещились шпионы. Съ хозяйкой своей, бывшей кухаркой генерала Барабанова и баронессы фонъ-Бонъ, она вдругъ вступила въ нѣжнѣйшую дружбу, подарила ей футъ кофею, раза два поила ее пивомъ и однажды сообщила съ торжествомъ:

— Ну, дѣвки, а я все вывѣдала отъ нашей дурищи то! За нашей квартирой слѣдятъ. Прячьте все хорошенько! А внизу подъ нами въ 38-мъ номерѣ сыщикъ живетъ изъ охраны. Хозяйка говоритъ, что онъ на фортепьянной фабрикѣ служить, а ужъ я по мордѣ вижу, что шпія проклятая.

— Да почему ты знаешь, что шпія? Можетъ и не шпія! возражали ей подруги.

— Нѣтъ, ужъ это вѣрно! Образина самая подлая, глаза, какъ у гадуки, а самъ рыжій. Всѣ шпіоны рыжіе!

Однажды ночью неожиданно загремѣлъ звонокъ. Анюта вскочила первая и ураганомъ ворвалась въ комнату Липочки.

— Давайте все сюда! Скорѣе, черти! Небось, напихали по карманамъ, дуры, и лежать, какъ святые!

И прежде, чѣмъ подруги могли, что нибудь возразить, она схватила со стола всѣ книги и бумаги, вывернула карманы у ихъ платьевъ и исчезла.

Тревога оказалась на этотъ разъ напрасной: звонила подруга сосѣдокъ, пришедшая къ нимъ ночевать съ дежурства, но это нисколько не помѣшало Анютѣ усилить свою осторожность, и она даже спать ложилась, не раздѣваясь на всякій случай.

Въ маѣ Липочка сдала экзамены и уѣхала въ Котовалово, трогательно распрощавшись съ Анютой, которая рыдала на весь вокзалъ и обратила на себя вниманіе всѣхъ жандармовъ.

Пріѣхавъ домой, Липочка нашла отца еще болѣе постарѣвшимъ и опустившимся. Увидѣвъ дочь, онъ расплакался, какъ ребенокъ, и долго не могъ успокоиться, повторяя сквозь слезы: „Липочка, Липочка... да

никакъ это ты, Липочка? Да какъ же это ты, Липочка?...“

Село, дѣйствительно, опустѣло, какъ писалъ о. Афанасій, и многихъ своихъ дорогихъ пріятелей Липочка не нашла. Всѣхъ ихъ уложилъ голодный тифъ, и они крѣпко спали теперь на убогомъ погостѣ, надъ которымъ такъ же, какъ всегда, свѣтило солнышко, и играли румяныя зори, зажигались и потухали вѣчныя звѣзды, и носились свободныя, далекія тучки. И не было имъ теперь никакого дѣла до земныхъ страстей и страданій!

Липочка не скучала дома, читала, ходила въ гости къ знакомымъ крестьянамъ, гуляла по тихимъ полямъ и пустыннымъ проселочнымъ дорогамъ, и петербургская жизнь казалась ей теперь какимъ то страшнымъ сномъ. Иногда они спорили съ отцомъ, и Липочка старалась доказать старику весь ужасъ и нелѣпость современнаго строя Россіи, рассказывая ему о положеніи рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ, о невѣроятныхъ преслѣдованіяхъ всякой живой мысли, объ арестахъ, обыскахъ и всякаго рода жестокостяхъ, совершавшихся въ тюрьмахъ надъ всѣми, кто не могъ больше выносить ужаснаго гнета и смѣло заявлялъ о своемъ негодованіи. Но о. Афанасій и слышать ничего не хотѣлъ и, отмахиваясь отъ Липочкиныхъ доводовъ обѣими руками, говорилъ:

— Не вѣрю, не вѣрю, и не говори мнѣ ничего объ этомъ! Зря мальчишки бунтуютъ, учиться не хотятъ, а государь нашъ добрый, имъ же добра желаетъ! Гдѣ это тиранятъ, кто тиранитъ, кого тиранятъ? Все это выдумки, вранье! Жида и поляки выдумываютъ! Зря, матушка, никого въ тюрьму не посадятъ; не бунтуй, такъ и не посадятъ! А если и посябуютъ маленько за бунтовство, то такъ и слѣдуетъ, и по дѣломъ!

— А вотъ на васъ, папаша, доносъ то тогда написали, да къ архіерею вызывали, тоже подѣломъ? возжала Липочка.

О. Афанасій на минуту умолкалъ, опѣшенный, но сейчасъ же снова вскидывался.

— И подѣломъ, и подѣломъ! Не суйся не въ свое дѣло! Коли ты пошъ, такъ и служи свою обѣдню, а ужъ правительство тамъ знаетъ, что ему дѣлать...

Но случалось иногда, что о. Афанасій не находилъ никакихъ возраженій на Липочкины рѣчи, и въ этихъ случаяхъ онъ раскисалъ, начиналъ хныкать и говорилъ: „оставь, Липочка, голубчикъ, не смущай ты меня, — вѣдь старика не передѣлаешь“ ...

Былъ августъ, и была теплая, темная ночь. Громадныя звѣзды съ тихой печалью смотрѣли на старую землю, погруженную въ покой и молчаніе. Все село уже давно спало; улеглись и на поповскомъ дворѣ. Еще свѣтился нѣсколько времени огонекъ въ Липочкиной комнатѣ, но и онъ скоро погасъ. Вдругъ откуда то издалека пронесся торопливый звонъ колокольчиковъ, и разбуженныя деревенскія собаки отвѣтили на него тревожнымъ лаемъ. Колокольчики слышались все ближе и ближе, и вотъ они уже несутся по селу, сливаясь съ бѣшеннымъ топотомъ лошадиныхъ копытъ, гиканьемъ ямщика и тяжелымъ хрипѣньемъ замученныхъ животныхъ. Около церкви они вдругъ смолкли, точно сквозь землю провалились, и вслѣдъ затѣмъ частый, громкій стукъ посыпался въ поповскія ставни и ворота. Первый проснулся о. Афанасій.

— Господи Іисусе, что это такое? пробормоталъ онъ, въ ужасѣ вскакивая съ постели. Никакъ у насъ стучать?

Громкій повелительный стукъ продолжалъ потрясать стѣны поповскаго дома. О. Афанасій въ одномъ бѣльѣ подбѣжалъ къ окну, отворилъ ставню и дрожащимъ голосомъ прокричалъ:

— Кто это тамъ барабанить? Что вамъ нужно? Кто такіе?

— Отворите немедленно! отозвался отъ воротъ чей то сердитый голосъ. Не то прикажу ворота ломать!

— Батюшки мои, да что же это? прошепталъ о.

Афанасій, всмотрѣвшись въ толпу людей, смутно чертѣ-вшуюся у воротъ. Разбойники что ли?...

Онъ хотѣлъ было закричать: „карауль“! — но работникъ уже побѣжалъ къ воротамъ и съ громомъ отодвигалъ тяжелую перекладину. Толпа съ глухимъ говоромъ вошла во дворъ, и черезъ минуту тяжелый топотъ многочисленныхъ ногъ возвѣстилъ о ся прибытіи въ домъ.

— Огня! коротко скомандовалъ кто то.

Чиркнула спичка и освѣтила усастья, суровыя лица, военныя фуражки и свѣтлыя пуговицы. Зажгли лампу, и высокій, широкоплечій жандармскій офицеръ съ полусѣдыми подстриженными усами, придерживая звякающую саблю, твердымъ шагомъ подошелъ къ столу и положилъ на него большой черный портфель. Вслѣдъ за нимъ вошелъ становой приставъ; осторожно ступая огромными сапожищами, ввалились два жандарма и урядникъ, а изъ за ихъ спинъ выглядывали блѣдныя, испуганныя лица сотскаго, караульщика и попова работника.

— Вы — священникъ Афанасій Силоамскій? отрывисто спросилъ жандармскій офицеръ, въ упоръ глядя на о. Афанасія.

— Я... прошепталъ тотъ, дрожа отъ холода и ужаса въ своемъ легкомъ одѣяніи.

— По распоряженію Департамента Государственной Полиціи я обязанъ произвести обыскъ у дочери вашей, Олимпіады Силоамской.

У о. Афанасія мгновенно высохло во рту и онѣмѣли руки и ноги. Онъ сдѣлалъ слабое движеніе къ комнатѣ дочѣри, но дверь отворилась, и сама Липочка, со всѣмъ одѣтая, вышла оттуда. Она была блѣдна, но спокойна.

— Я — Олимпіада Силоамская, сказала она и обратилась къ отцу: Папаша, ступайте одѣньтесь! Вы озябли...

— Можете одѣться! милостиво разрѣшилъ жандармскій офицеръ.

Но о. Афанасій какъ сѣлъ, такъ и остался на своемъ мѣстѣ, безгласный и бездвижный. Тогда Липочка стащила со стола бархатную скатерть и заботливо укрыла трепещущія плечи отца.

Начался обыскъ. Жандармы, топая, ходили по всѣмъ комнатамъ, лазили подъ диваны и столы, переворачивали постели, щупали подушки, снимали со стѣнъ картины и образа, и щелкали по нимъ своими грязными, корявыми пальцами. Жандармскій офицеръ въ это время просматривалъ Липочкины книги и переписку, а становой почтительно и подобострастно подбиралъ просмотрѣнныя бумажки и, избѣгая смотрѣть на о. Афанасія, клалъ ихъ около себя. А изъ полутемной передней торчали неподвижныя борода, и глядѣли застывшія лица понятыхъ, а за окнами, въ тепломъ мракѣ августовской ночи, тихонько позвякивали колокольчики.

Обыскъ длился около трехъ часовъ. Жандармскій офицеръ отобралъ нѣсколько рукописныхъ тетрадокъ и писемъ и сдѣлалъ знакъ жандарму. Тотъ безтолково заметался и бросился въ переднюю.

— Веревошки... сказалъ онъ кому то.

При этомъ словѣ о. Афанасій въ первый разъ зашевелился и бросилъ взглядъ, полный ужаса, на жандармскаго офицера.

— Веревошки... кому веревочки? пролепеталъ онъ какимъ то дѣтскимъ голосомъ.

Жандармскій офицеръ потупился и застегнувъ мундиръ, поднялся.

— Потрудитесь одѣться потеплѣе, обратился онъ къ Липочкѣ. И можете взять съ собою кое что изъ бѣлья и платья. Я имѣю предписаніе васъ задержать.

Липочка вздрогнула, посмотрѣла на отца и встала. Но къ о. Афанасію вдругъ возвратились и силы и голосъ. Онъ поднялся, весь бѣлый, какъ привидѣніе, страшный, съ длинными сѣдыми волосами, и вцѣпился въ дочь.

— Липочка, Липочка, Липочка! закричалъ онъ та-

кимъ голосомъ, что у всѣхъ присутствующихъ похолодѣло внутри. Липочка, куда ты? Не ходи, не ходи съ ними... Какъ же я то?... Я то какъ же, Липочка?...

Жандармскій офицеръ что то сказалъ шопотомъ становому. Тотъ весь покраснѣлъ, подошелъ къ о. Афанасію и, взявъ его за плечи, осторожно оттащилъ отъ дочери.

— Успокойтесь, о. Афанасій, сказалъ онъ ласково. Ну, что же это? Зачѣмъ такъ? Ничего особеннаго нѣтъ, и Олимпиада Афанасьевна вернется...

Но о. Афанасій съ силой оттолкнулъ его отъ себя, вырвался у него изъ рукъ и, подбѣжавъ къ жандармскому офицеру, схватилъ его за аксельбанты.

— Что вы дѣлаете? Куда вы ее? за что, за что, за что? кричалъ онъ неистово.

— Нужно-съ! сухо и отрывисто сказалъ жандармскій офицеръ, дѣлая усилія освободиться отъ о. Афанасія. Спросите у вашей дочери, она, вѣроятно, лучше меня знаетъ, за что... Пустите меня, пожалуйста!

Но такъ какъ о. Афанасій все цѣплялся за него и продолжалъ кричать: „за что“? — то жандармскій офицеръ, наконецъ, разсердился и раздраженно крикнулъ:

— Да возьмите его отъ меня!

Сотскій и урядникъ ринулись на бѣднаго, обезумѣвшаго старика и, насилу отодравъ его отъ жандармскаго офицера, повалили на стулъ.

Въ это время Липочка, уже совсѣмъ одѣтая, въ шляпкѣ и пальто, съ узелкомъ въ рукахъ вышла изъ своей комнаты.

— Прощайте, папаша... начала было она, но увидѣвъ отца, бьющагося въ дюжихъ лапахъ урядника и сотскаго, воскликнула со слезами: оставьте его! что вы съ нимъ дѣлаете?

— Это не мы дѣлаемъ, сударыня! рѣзко сказалъ жандармскій офицеръ. Это вы-съ дѣлаете!...

И, торопливо взявъ со стола свой портфель и свертокъ съ Липочкиными письмами, онъ понесъ свое груз-

ное тѣло къ дверямъ. За нимъ бросился и становой, а жандармы накиннулись на Липочку.

— Простились съ папашенькой? сказалъ одинъ изъ нихъ. Пожалуйте!...

Липочку увели; урядникъ послѣдовалъ за ними, оставивъ на попеченіе сотскаго и работника о. Афанасія, который уже не говорилъ ничего, а только кричалъ дико и протяжно: „а-а! а-а“!...

— Да-а!... вздохнулъ становой, садясь рядомъ съ жандармскимъ офицеромъ въ тарантасъ и прислушиваясь къ дикому вою, несущемуся изъ оконъ поповскаго дома. Жалко старика...

— Чего-съ? спросилъ жандармскій офицеръ.

У станового языкъ прилипъ къ гортани.

Въ эту минуту передъ тарантасомъ изъ бархатнаго сумрака ночи возникла какая то огромная фигура и хрипло заорала:

— Эй вы! Что это вы съ попомъ сдѣлали, разбойники? Куда дочку везете? Наша она, родная!... Не дадимъ Липочку въ обиду... Разрражу!...

— Это что такое? Кто это? Спросилъ съ безпокойствомъ жандармскій офицеръ.

— А это, ваше вскоблагородіе, пьяница тутъ одинъ... кузнецъ... поспѣшно отпрапортовалъ урядникъ, помогая офицеру взгромоздиться въ экинажъ.

— Разражу!... продолжалъ орать Анурка. Дьяволы вы!... Полунощники окаянные!... Карраулъ!...

— Заткните ему глотку... приказалъ жандармскій офицеръ и взволнованнымъ голосомъ крикнулъ ямщику. Трогай!

Урядникъ кинулся на Анурку и страшнымъ ударомъ кулака въ лицо свалилъ пьянаго кузнеца на землю. Затѣмъ онъ взвалился на свою лошадь и вскачь пустился догонять почтовую тройку, увозившую Липочку навсегда изъ родного села. Скоро топотъ копытъ и судорожный звонъ колокольчиковъ замерли за околицей и потонули въ торжественной тишинѣ ночи, оставивъ за собою

Анурку съ окровавленнымъ лицомъ, распростертаго на землѣ, и разгромленный поповскій домъ, въ которомъ о. Афанасій все еще вылъ: „а-а! а-а!“

Сидя между двумя жандармами, которые бережно придерживали ее за талию, Липочка вдругъ какъ то вся окаменѣла и притихла. Она смотрѣла на тихое небо, усыпанное тихими звѣздами, и ей почему то вспомнилась яркая, зимняя почъ, когда онѣ съ Машей и Анютой возвращались съ вечеринки, беззаботно хохотали и пѣли пѣсни.

Липочку привезли въ Петербургъ и посадили въ Домъ Предварительнаго Заключенія. Когда тяжелыя ворота съ глухимъ стукомъ затворились за нею, Липочкѣ показалось, что она провалилась въ какую то мрачную яму, изъ которой не выйдетъ никогда. Ее провели въ контору, отобрали отъ нея всѣ ея вещи, и явившаяся по звонку заспанная надзирательница, длинная и тощая, какъ жердь, въ форменномъ платьѣ съ бархатнымъ воротникомъ, на которомъ были вышиты ключи — эмблема званія ея — начала обыскивать Липочку. Она шарилла у нея за пазухой, ощупывала чулки и башмаки, засовывала пальцы во всѣ рубцы и складки бѣлья и платья, наконецъ, не найдя ничего, повела ее въ камеру. Камера была узкая, длинная, съ холоднымъ асфальтовымъ поломъ, съ окномъ подъ самымъ потолкомъ, съ мрачными стѣнами, отъ которыхъ вѣяло холодомъ и отчаяніемъ, но Липочка рада была остаться одна послѣ трехъ сутокъ, проведенныхъ въ обществѣ жандармовъ, и, повалившись на тощій соломенный матрасъ, сейчасъ же заснула мертвымъ сномъ.

Въ 6 часовъ утра ее разбудилъ стукъ форточки, продѣланной въ двери, и чей то грубый голосъ выкрикнулъ: „хлѣбъ“! Липочка вскочила и приняла кусокъ чернаго хлѣба, просунутый ей въ форточку. Черезъ нѣсколько времени тотъ же голосъ крикнулъ: „кипятокъ“! — и такимъ же порядкомъ въ форточку всунута была оловянная кружка съ горячей водой. Затѣмъ Липочкѣ дали щетку и совокъ для сора и заставили ее

подмести свою камеру. Послѣ этого ее оставили въ покоѣ, и, присѣвъ на табуретку, привинченную къ стѣнѣ, Липочка стала вспоминать все, что произошло съ нею за эти послѣдніе дни. За что ее арестовали? Она совершенно этого не знала. Можетъ быть, взялъ кто нибудь изъ ея знакомыхъ, и найдены ея письма? Можетъ быть, Анюта проболталась кому нибудь, что брала у нея нелегальную литературу? Нѣтъ, это невѣроятно, Анюта не таковскал и никому не проболтается. Но кто же?

Вдругъ ея размышленія были прерваны легкимъ шорохомъ и царапаньемъ за сосѣднею стѣной, рядомъ съ которой она сидѣла. Липочка встрепелась. Шорохъ продолжался, за тѣмъ послышался какъ будто легкий стукъ. Липочка встрепелась, съ похолодѣвшимъ сердцемъ прильнула къ стѣнѣ и стала жадно слушать. Стучали! Несомнѣнно ей стучали!... Но что, что? Липочка, обрадованная, взволнованная, въ свою очередь застучала. Ей отвѣтили, но не беспорядочно, какъ она, а размѣренно, съ паузами — Разъ, два... Разъ - два - три - четыре - пять... Разъ - два - три - четыре... Разъ - два - три... „Ахъ, Боже мой, ахъ, Боже мой“! шептала Липочка, стараясь вспомнить порядокъ буквъ въ азбукѣ. И вдругъ ее осѣнило, — она поняла! Ее спрашивали: „кто вы“? Тогда она, сначала путаясь и сбиваясь, начала отвѣчать, и у нея завязался оживленный разговоръ съ ея невѣдомымъ сосѣдомъ. Она рассказала, кто она, откуда и когда взята, потомъ начала сама спрашивать: „кто вы“?

— Александра Бондарева! отвѣчали ей. Арестована полтора мѣсяца тому назадъ... При обыскѣ взяты нелегальные изданія... Къ допросу звали только одинъ разъ... Совершенно не знаетъ, чѣмъ окончится ея дѣло...

Липочка только что было застучала ей въ отвѣтъ, какъ вдругъ загремѣлъ ключъ у дверей, влетѣла надзирательница и закричала:

— Не стучать! Нельзя стучать!... Въ карцеръ захотѣли?

Съ этого времени Липочка стала осторожнѣе и не-

рестукивалась со своей сосѣдкой только тогда, когда была увѣрена, что ее не застанутъ врасплохъ. Но это было очень трудно предвидѣть, потому что зоркій глазъ надзирательницы вѣчно слѣдилъ за нею въ форточку и кромѣ того заключенныхъ постоянно тревожили возгласами: „Хлѣбъ! Кипятокъ! Обѣдъ! Прогулка! Газъ!“

Однако урывками Липочкѣ все таки удалось многое узнать отъ Александры Бондаревой. Между прочимъ узнала она, что Аня Ермолаева тоже арестована въ іюль, но гдѣ сидитъ, неизвѣстно...

Такъ прошла недѣля, и Липочка понемногу стала погружаться въ тюремную жизнь, однообразіе которой нарушалось только возгласами: „кипятокъ! прогулка“! и т. д. Сначала Липочка съ нетерпѣніемъ ждала прогулки, думая, что ей удастся увидѣть или услышать что нибудь интересное, но когда она, проходя по корридорѣ, увидѣла длинный рядъ наглухо запертыхъ и безмолвныхъ дверей съ форточками, и на дворѣ тѣ же высокія и безмолвныя стѣны, — она разочаровалась и неохотно шла на прогулку. Только разъ ей удалось увидѣть въ одну изъ форточекъ, которую надзирательница забыла запереть, чьи то огромные, черные глаза, глядѣвшіе на нее съ жаднымъ любопытствомъ... Липочка невольно подалась было къ форточкѣ, но надзирательница опередила ее, захлопнула форточку и, грубо толкнувъ Липочку въ спину, повлекла ее внизъ по лѣстницѣ.

Самые скверные часы въ тюрьмѣ были вечерніе, когда газъ еще не зажигали, и камеры погружались въ сѣрый полумракъ, въ глубинѣ котораго сгущались какія то пугающія тѣни, и чудились странные порохи и голоса. Тогда Липочкѣ вспоминался отецъ, дрожащій въ своемъ нижнемъ бѣльѣ, вспоминались полные ужаса глаза и его отчаянный послѣдній вопль: „а-а! а-а!“ Страшная тоска змѣей обвивалась вокругъ Липочкина сердца, и, повалившись на койку, дѣвушка начинала горько рыдать. Иногда въ это же время какая нибудь узница сосѣдней камеры, не выдержавъ тоскливаго одиночества и пугающаго молчанія тю-

ремныхъ стѣнъ, впадала въ истерическій припадокъ, и ея безумные крики, плачь и хохотъ неслись по гулкому корридору. Ея безуміе заражало и другихъ: во всѣхъ камерахъ начинался крикъ, стукъ, истерическій смѣхъ; перепуганныя надзирательницы поднимали бѣготню, хлопали дверями; слышался звонъ ключей, тревожные голоса, угрозы... Наконецъ зажигали газъ; теплый огонекъ своимъ живымъ свѣтомъ согрѣвалъ измученныя души заключенныхъ, и тюрьма затихала снова въ своемъ гробовомъ безмолвіи.

Много скрашивало Липочкѣ ея тюремные дни тайное перестукиваніе съ сосѣдкой. Но однажды утромъ, когда Липочка пила чай, въ корридорѣ слышались шаги, голоса, звонъ ключей; потомъ произошла какая то возня, точно несли что то тяжелое, и затѣмъ все затихло. Заинтересованная Липочка постучала сосѣдкѣ, спрашивая, се что такое случилось? Отвѣта не было. Она постучала еще разъ — молчаніе... Такъ прошелъ день, другой и третій, а на четвертый Липочкѣ слышалась въ сосѣдней камерѣ какая то возня. Она постучала, но вмѣсто отвѣта къ ней ворвалась надзирательница, напумѣла, накричала, отобрала у Липочки книги и ушла. Тогда Липочка поняла, что Александры Бондаревой уже не было рядомъ съ пею, и она осталась совсѣмъ - совсѣмъ одна...

Разъ вмѣсто обычнаго возгласа: „на прогулку“! надзирательница объявила Липочкѣ, что къ ней пришли на свиданіе, и повела ее по безконечнымъ извилистымъ корридорамъ куда то внизъ. Тамъ ее втолкнули въ какой то шкафчикъ, и Липочка очутилась передъ проволоочной рѣшеткой, отдѣлявшей ее отъ всего божьяго міра. Когда глаза ея привыкли къ полумраку, она различила сквозь густую сѣть двойной рѣшетки чье то лицо и дико смотрѣла на него, не узнавая.

— Липочка, здравствуй! слышалось изъ-за рѣшетки.

— Маша!! воскликнула Липочка, и сама не узнала своего голоса, — до того дико онъ звучалъ послѣ цѣлаго мѣсяца молчанія.

Подруги нѣсколько секундъ молча смотрѣли другъ на друга, не зная, съ чего начать. Но, потомъ, вспомнивъ, что они теряютъ драгоценное время, котораго имъ было отмѣрено только полчаса, двѣ девушки, перебивая другъ друга, начали осыпать другъ друга вопросами. Маша рассказала Липочкѣ, что только недавно пріѣхала въ Петербургъ и узнала о ея арестѣ, что ей будутъ давать свиданія каждую недѣлю, и что она принесла ей книгъ, денегъ и бѣлья. Липочка въ свою очередь просила Машу написать о. Афанасію и узнать, какъ его здоровье. Онѣ не успѣли еще и одной десятой доли того, что было нужно, передать другъ другу, какъ полчаса кончились, и Липочку увели обратно въ камеру.

Онѣ начали видаться каждую недѣлю, и Липочка съ облегченіемъ узнала, что отецъ ея живъ, здоровъ и скоро ей напишетъ. Дѣйствительно, недѣли черезъ двѣ она получила отъ о. Афанасія письмо, въ которомъ онъ довольно безсвязно совѣтовалъ ей смиреніе и покорность и въ заключеніе посылалъ ей свое родительское благословеніе. Несмотря на краткость и безсвязность этого письма, Липочка пріободрилась, повеселѣла и терпѣливѣе стала ждать исхода своего дѣла, хотя и сама не знала, въ чемъ оно заключается.

Наконецъ, въ началѣ октября о ней вспомнили и повезли ее на допросъ. Ъхали довольно долго, и сквозь спущенныя занавѣски кареты Липочка смутно слышала гулъ и движеніе петербургскихъ улицъ. Сердце у нея шибко билось, голова кружилась, какъ у пьяной, и когда карета остановилась, и жандармъ пригласилъ Липочку выйти, она зашаталась и чуть было не упала на землю. Воздухъ свободы опьянилъ ее.

Дверь подъѣзда имъ отворилъ другой жандармъ и черезъ большую пріемную съ высокими стульями и лѣпнымъ потолкомъ провелъ Липочку въ небольшой, полутемный кабинетъ съ громаднымъ письменнымъ столомъ посреди. Изъ-за стола поднялся жандармскій офи-

перъ и, упершись обѣими руками въ столъ, спросилъ любезно:

— Госпожа Силоамская?

— Да, отвѣчала Липочка.

— Садитесь, пожалуйста! пригласилъ ее жандармскій офицеръ и указалъ на стулъ противъ себя.

Жандармъ вышелъ, и они остались одни. Офицеръ углубился въ бумаги, которыми былъ заваленъ весь столъ, сосѣднїй шкафъ и даже стулья; Липочка сидѣла и разсматривала его. Это былъ человѣкъ лѣтъ 40 съ большой четырехугольной головой, до самыхъ бровей заросшей густыми, черными, жесткими волосами, коротко остриженными. Большое, обрюзглое лицо его было покрыто нездоровой блѣдностью, а тяжелые, водянистые мѣшки подъ глазами говорили о большомъ пристрастїи полковника къ выпивкѣ и ночнымъ кутежамъ. Черные же, рѣдкіе усы не закрывали его толстыхъ, блѣдныхъ губъ, рѣзко выдававшихся надъ массивнымъ, синеватымъ подбородкомъ, раздвоеннымъ посрединѣ. Во всей его плотной фигурѣ, въ толстой, короткой шеѣ, въ низкомъ лбѣ, до бровей заросшемъ волосами, было что то бычачье, тупое и жестокое.

Кончивъ просматривать бумаги, полковникъ протянулъ свои короткіе, толстые пальцы съ некрасиво остриженными ногтями къ серебряному портсигару, взялъ папиросу и взглянулъ на Липочку своими выпуклыми черными глазами, въ которыхъ свѣтилось какое то тупое самодовольство и наглый вызовъ. Отъ этого взгляда Липочка вся вздрогнула и насторожилась, какъ птичка, неожиданно наскочившая на откормленнаго, избалованнаго кота.

— Итакъ, вы — госпожа Силоамская? повторилъ полковникъ, игриво щуря глаза и закуривая папиросу, но вдругъ онъ перемѣнилъ игривый тонъ на officialный и прибавилъ: „а вотъ и г. прокуроръ...“

Въ дверь какъ то бокомъ, неловко придерживая подъ мышкой портфель, прошмыгнулъ длинный, тощій господинъ въ золотыхъ очкахъ и съ кислымъ заспан-

нымъ лицомъ. И весь онъ былъ какой то кислый: кисло смотрѣли его безцвѣтные, близорукіе глаза; кисло прилипли къ щекамъ желтенькія бачки; кисло свѣшивался къ тонкимъ губамъ длинный, заостренный носикъ, и даже его вицмундиръ, его галстухъ, его воротнички — все было кислое и какъ будто говорило: „эхъ, и не глядѣлъ бы на свѣтъ божій“...

Войдя въ кабинетъ, онъ положилъ портфель на столъ, поздоровался съ полковникомъ и досталъ изъ кармана тонкій платочекъ, пропитанный насквозь какими то тончайшими духами.

— Отвѣйательная погода, полковникъ! началъ оцѣ картавымъ голоскомъ, протирая очки. Гѣ'язь, мей'зость, чой'тъ знаетъ, что такое!

Потомъ, надѣвъ очки, онъ усѣлся, уставился въ Липочку своимъ кислымъ, унылымъ взоромъ и погрузился въ молчаніе.

— Вы привлекаетесь по дѣлу о пропагандѣ среди рабочихъ и объ организаціи среди нихъ преступнаго сообщества, имѣющаго цѣлью ниспроверженіе въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ современнаго государственнаго строя... началъ полковникъ дѣловымъ тономъ. Что вы на это можете сказать?

Липочка молчала.

— Скажите, пожалуйста, вамъ извѣстна была личность, именующая себя Анной Ермолаевой? продолжалъ полковникъ. Вотъ въ вашей перепискѣ имѣются кое какія указанія на то, что вы ее знали?

Опять никакого отвѣта. Товарищъ прокурора какъ то укоризненно вздохнулъ и, вынувъ изъ кармана изящный костяной ножичекъ, началъ сосредоточенно чистить ногти.

— Вы не желаете отвѣчать? повысивъ голосъ, спросилъ полковникъ.

— Я ничево не знаю... вымолвила, наконецъ, Липочка. Полковникъ переглянулся съ прокуроромъ и усмѣхнулся, показавъ крупные, бѣлые, должно быть, вставные зубы.

— Позвольте вамъ не повѣрить... сказалъ онъ, переходя опять въ игривый тонъ. Будто вы „ничего“ не знаете? Мы знаемъ, а вы не знаете? Ай-ай-ай, нехорошо съ... Такая молоденькая барышня и такъ неоткровенна...

Этотъ игривый тонъ показался вдругъ неумѣстнымъ товарищу прокурора, и, вспомнивъ, что онъ, нѣкоторымъ образомъ, долженъ стоять на стражѣ порядка и законности, онъ кисло прокартавилъ:

— Г. полковникъ, къ дѣлу, пожалуйста...

„Ахъ ты, сопли!“! выругался про себя полковникъ и снова обратился къ Липочкѣ:

— Вы, конечно, можете не отвѣчать, сказалъ онъ строго и внушительно. Но я предупреждаю васъ, что всякое уклоненіе отъ показаній ухудшитъ ваше положеніе. Будьте откровенны, расскажите все, что вы помните и знаете по этому дѣлу, и мы васъ сейчасъ же отпустимъ... добавилъ онъ мягче.

Липочка вся вспыхнула и звенящимъ голосомъ крикнула:

— Я не желаю отвѣчать!...

Полковникъ поднялъ плечи въ знакъ своего глубочайшаго сомнѣнія, всталъ и галантнымъ жестомъ указалъ Липочкѣ на дверь.

— Не смѣю удерживать... вымолвилъ онъ.

Въ дверяхъ выросъ жандармъ и увелъ Липочку.

— Молоденькая, а какая упрямая! сказалъ полковникъ, закуривая новую папиросу.

— Ахъ, всѣ онѣ такія! кисло воскликнулъ товарищъ прокурора. Надоѣли они мнѣ всѣ...

И наскоро распроставшись съ полковникомъ, онъ ухалъ къ своей дамѣ сердца, рыжей француженкѣ, которую онъ сильно подозрѣвалъ въ томъ, что она его обманываетъ съ бравымъ кавалергардомъ.

Возвратившись въ свою холодную камеру, Липочка расплакалась отъ обиды и негодованія. Заигрывающее обращеніе полковника и его наглые подмигиванья показались ей оскорбительными; презрительное безучастіе

прокурора вызывало въ пей безконечное отвращеніе. „И это — люди“! думала она, стирая со своихъ пылающихъ щекъ гнѣвные слезы. „Это представители порядка и закона!“ И она рѣшила сидѣть еще хоть годъ, два года, всю жизнь въ этой сырой тюрьмѣ, но не отвѣчать имъ ни слова. „А папаша“? мелькнуло у нея въ головѣ. „Бѣдный, милый, никогда, можетъ быть, я его больше не увижу, но что же дѣлать? Лучше умереть, чѣмъ унизиться передъ этими подлыми холопами“...

Потянулись опять унылые, однообразные дни съ кпяткомъ, прогулками и безконечной ходьбой взадъ и впередъ по одиночной камерѣ. Разъ два видѣлась Липочка съ Машей, но ничего новаго отъ нея не узнала, и сама ничего хорошаго сообщить ей не могла. Отъ тоски, бездѣйствія и плохой пищи Липочка стала страдать бессонницей, головными болями и сердцебіеніями. Яркій деревенскій румянецъ давно потухъ на ея щекахъ, и болѣзненная тюремная желтизна покрывала ея хорошенькое личико.

Липочка уже и сама не помнила хорошенько, сколько времени прошло съ перваго вопроса, какъ вдругъ ее снова посадили въ карету и повезли. Опять на подѣздѣ ее встрѣтилъ жандармъ, и она очутилась въ той же комнатѣ, за тѣмъ же столомъ. Прокуроръ уже сидѣлъ здѣсь и имѣлъ сегодня болѣе веселый видъ. Онъ помирился со своей рыжей француженкой, и какъ разъ въ этотъ день она назначила ему свиданіе въ 3 часа у себя на квартирѣ.

— Ну-съ, М-lle Силоамская! встрѣтилъ Липочку полковникъ. Вотъ мы съ вами опять увидѣлись. Надумались вы или нѣтъ? Желаете сказать намъ что нибудь?

— Мнѣ нечего вамъ сказать, отвѣчала Липочка.

— Жаль, очень жаль! Вотъ ваши пріатели подобре васъ. Анна Ермолаева утверждаетъ, что она васъ хорошо знаетъ, жила съ вами на одной квартирѣ и неоднократно пользовалась отъ васъ разными хорошенькими книжечками въ родѣ, напримѣръ, этой...

И онъ фамиллярно помахалъ передъ Липочкой какою то брошюрой, не показывая, однако, заглавія.

— Этого не можетъ быть! горячо воскликнула Липочка. Анюта этого никогда не сдѣлаетъ!

— „Анюта“? воскликнулъ полковникъ и засмѣялся. Ага, значитъ, вы ее знаете? На первый разъ намъ этого довольно...

Липочка поняла, что ее поймали на удочку, и слезы выступили у нея на глазахъ.

— Какая гадость! прошептала она.

Полковникъ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ, и продолжалъ:

— Прекрасно! Давно бы такъ... Теперь расскажите намъ, что это за „Анюта“, и въ какихъ отношеніяхъ вы съ нею находились.

Онъ вонзилъ въ Липочку свои наглые глаза, а прокуроръ вынулъ хорошенькій карандашикъ и наострилъ, что то записывать въ свою записную книжку. Но Липочка молчала.

— Не желаете? спросилъ полковникъ. Напрасно... И, главное, совершенно бесполезно, потому что мы и такъ все знаемъ. Упорнымъ молчаніемъ вашимъ вы только вредите себѣ и вашимъ товарищамъ. Отъ вашихъ показаній зависятъ ихъ участь. Расскажите все, что знаете, и завтра же они всѣ будутъ на свободѣ.

Липочка колебалась. А что если и въ самомъ дѣлѣ она запирательствомъ своимъ вредитъ Анютѣ и еще кому нибудь изъ знакомыхъ, объ арестѣ которыхъ она не знаетъ? И, собравшись съ духомъ, она прошептала едва слышно: „спрашивайте“!

Полковникъ началъ допросъ. Онъ спрашивалъ, гдѣ она познакомилась съ Анной Ермолаевой, какихъ она была убѣжденій, кто у нея бывалъ, и не видала ли она у нея какихъ нибудь запрещенныхъ книгъ? По его вопросамъ Липочка скоро догадалась, что она опять обманута, что ничего имъ неизвѣстно, и вся въ холодномъ поту, боясь, какъ бы не проговориться, страшно напрягая все свое вниманіе и слѣдя за каждымъ сво-

имъ словомъ, давала показанія. Она созналась, что знакома съ Анютой, но какихъ она убѣжденій, съ кѣмъ знакома и читала ли какія нибудь книги, этого совершенно не знаетъ. Сама тоже книгъ ей не давала, никого у нея не встрѣчала и о стачкѣ на ниточной фабрикѣ ничего не слышала. Полковникъ видимо былъ разочарованъ ея отвѣтами и въ заключеніе принялся показывать ей карточки разныхъ лицъ, изъ которыхъ Липочка почти никого никогда не встрѣчала. Во время вопроса, прокуроръ видимо скучалъ, предложилъ нѣсколько незначительныхъ вопросовъ, откровенно зѣвалъ и безпрестанно поглядывалъ на часы. Когда Липочка дописала послѣднюю строчку своихъ показаній, пробило 3 часа, и онъ испуганно вскочилъ.

— Ахъ, боже мой, какъ поздно? воскликнулъ онъ. Мнѣ надо то'еписья... Полковникъ, вы имѣете еще что нибудь пѣдложить?

— Да, да... отвѣчалъ полковникъ, вскакивая съ мѣста, еще нѣсколько вопросовъ...

— Въ такомъ случаѣ, пѣщайте... Я спѣшу, спѣшу... Ужасно некогда!...

И онъ помчался къ своей француженкѣ. Полковникъ суетливо проводилъ его до дверей и вернулся къ Липочкѣ.

— Ну-съ, кончили вы? спросилъ онъ, наклоняясь надъ ней и заглядывая ей въ бумагу.

— Кончила, сказала Липочка, чувствуя у себя надъ головой его тяжелое дыханіе, пропитанное табачнымъ дымомъ.

Но онъ не отходилъ отъ нея и продолжалъ дышать ей въ голову. Липочкѣ стало непріятно, и она отодвинула свой стулъ.

Онъ прошелся по кабинету, заглянулъ для чего то въ одно окно, потомъ въ другое, и сѣлъ на свое прежнее мѣсто.

— Потрудитесь прочесть... сказалъ онъ отрывисто.

Липочка прочла и вопросительно взглянула на полковника. Онъ сидѣлъ, подперши голову рукой, и смо-

глубь на нее страннымъ взглядомъ, въ глубинѣ котораго шевелилось что то загадочное, коварное, точно черная змѣя на днѣ глубокой ямы.

— Хорошо-съ!... началъ онъ, взявъ карандашъ и поигрывая имъ. Но это вѣдь еще не все, милая барышня. Неужели вы думаете, что мы такъ вотъ и повѣримъ, что вы знать ничего не знаете и вѣдать не вѣдаете? Хе-хе... мы вѣдь не младенцы! Придется намъ еще съ вами побесѣдовать, — и не одинъ разъ!

Липочка тоскливо посмотрѣла вокругъ себя и сдѣлала движеніе встать.

— Можно мнѣ идти? спросила она.

Полковникъ вдругъ съ силой отбросилъ отъ себя карандашъ, всталъ и, обойдя кругомъ стола, сѣлъ противъ Липочки.

— Куда идти? Ну—куда? спросилъ онъ ее, посмѣиваясь и впиваясь ей въ лицо своими выпуклыми глазами съ красными жилками на бѣлкахъ. Въ тюрьму опять? Неужто еще не надоѣло? Вѣдь, тамъ холодно, грязно, сыро, — крысы бѣгаютъ, я думаю... А между тѣмъ вамъ стоитъ сказать только одно слово, — и вы сегодня же будете свободны... Скажите это слово, и я все для васъ сдѣлаю. Отъ меня многое зависить.

— Какое слово? вымолвила Липочка, съ ужасомъ глядя на полковника.

— Хе-хе... неужто вы не знаете? Позвольте не повѣрить... Такая хорошенькая барышня, живетъ въ Петербургѣ, студенты тамъ всякіе увиваются, я думаю, — и вдругъ не знаетъ! Вѣдь, вы — курсистка? Физиологію изучаете? Понимаете, я думаю, что чувствуетъ мужчина, когда ему нравится вотъ такая миленькая, такая...

Липочка, наконецъ, поняла... Она отскочила отъ полковника и, оглянувшись по сторонамъ, въ порывѣ отчаянія схватила со стола тяжелое чугунное пресспапье, лежавшее на бумагахъ. Но въ ту же минуту она почувствовала, что въ руку ей, какъ клещи, впились горячіе, толстые пальцы, и страшное лицо съ наливши-

мися кровью бѣлками, съ трясущейся нижней челюстью и оскаленными бѣлыми зубами наклонилось надъ нею. У Липочки потемнѣло въ глазахъ, и сердце перестало биться...

Липочку привезли въ тюрьму еле живую, и даже надзирательница, видя, что Липочка шатается и не можетъ сама идти, почувствовала жалость въ своемъ окamenѣвшемъ сердцѣ и, подхвативъ ее подъ руку, повела наверхъ. „Эхъ, вѣдь, мучаютъ ихъ какъ на этихъ допросахъ“! думала она.

Войдя въ свою камеру, Липочка сейчасъ же легла на кровать, отвернувшись къ стѣнѣ и такъ пролежала весь вечеръ, всю ночь и весь слѣдующій день. Нѣсколько разъ надзирательница входила къ ней, уговаривала ее хоть покушать чего нибудь, но Липочка не отвѣчала, не вставала и широко открытыми глазами смотрѣла въ стѣну. И все одна и та же картина мерещилась ей: страшное, бѣлое лицо, налитые кровью глаза и трясущійся подбородокъ, раздвоенный по срединѣ... Иногда она даже чувствовала запахъ табачнаго дыма, смѣшанный съ запахомъ какихъ то духовъ, и ощущала на своемъ лицѣ прикосновеніе жесткихъ, щетинистыхъ усовъ и развратные поцѣлуи толстыхъ, мокрыхъ губъ. И тогда она начинала протяжно и жалобно стонать...

— У насъ 17-й номеръ захворалъ! докладывала надзирательница смотрителю. Какъ привезли съ допроса намерзши, такъ и лежитъ. Не ѣстъ ничего, не раздвигается и все стонетъ.

— Доктора надо позвать, сказалъ смотритель.

Пришелъ докторъ, пощупалъ Липочкѣ пульсъ, помѣрялъ температуру и сказалъ:

— Ничего особеннаго. Маленькое разстройство нервовъ и малокровіе. Немножечко желѣза, немножечко бромистаго натра и все пройдетъ.

Липочкѣ принесли желѣза и бромистаго натра, и надзирательница, вооружившись пузырькомъ и ложкой, приступила къ Липочкѣ.

— Оставьте меня! простонала Липочка. Ничего мнѣ не надо, только оставьте, пожалуйста...

— Ну какъ это такъ „оставьте“! прикрикнула на нее, наконецъ, разсерженная надзирательница. Нельзя такъ, матушка, мнѣ и безъ васъ дѣла много, а тутъ еще съ больными возись! Вы, вѣдь, не на волѣ — капризничать-то!

Липочка поднялась и такъ взглянула, что та пожалѣла о своихъ грубыхъ словахъ.

— Давайте... проговорила Липочка.

— Ну вотъ и прекрасно, ангелъ мой! воскликнула надзирательница, когда Липочка выпила лекарство. Теперь молочка скушайте, ячечкѣ я вамъ сварила... А за дерзкія слова ужъ простите, — должность ужъ такая, изсобачишься здѣсь совсѣмъ...

Липочка машинально выпила и молоко и снова легла на койку.

— Ничего, 17-ый номеръ на поправку пошелъ! говорила надзирательница. Лекарство принимаетъ и кушать начала...

Но надзирательница ошибалась, и хотя Липочка принимала лекарство, ѣла, что ей предлагали, и даже начала вставать съ постели, но видно было, что она таетъ съ каждымъ днемъ. По цѣлымъ часамъ сидѣла она на одномъ мѣстѣ, подперши голову обѣими руками, и неподвижно смотрѣла въ пространство застывшимъ взглядомъ. Книгъ она теперь совсѣмъ не брала въ руки и о чемъ думала въ эти долгіе, убійственно-долгіе часы, — неизвестно...

Когда насталъ день свиданія съ Машей, и надзирательница, думая ее обрадовать, влѣтѣла къ ней въ камеру съ веселымъ возгласомъ: „на свиданіе къ вамъ пришли“! — Липочка вдругъ поблѣднѣла, затряслась и, закрывъ лицо руками, закричала:

— Не надо!... не надо!... не хочу! не пойду...

И она разразилась такими ужасными рыданьями, что перепуганная надзирательница не знала, что ей дѣлать.

Маша сильно встревожилась и огорчилась, когда ей

сказали, что г-жа Силоамская отказалась выйти на свиданіе. „Что съ ней такое?“ думала она. „Ужъ не разсердилась ли она на меня за что нибудь?“ Но когда и на слѣдующій разъ Липочка не вышла на свиданіе, Маша не на шутку обезпокоилась и написала ей письмо. Отвѣта не было. Тогда Маша забила тревогу и пошла къ смотрителю.

Смотритель принялъ ее очень любезно и старался ее успокоить. Г-жа Силоамская совершенно здорова и ничего особеннаго съ ней не случилось... Почему отказывается отъ свиданій, — неизвѣстно; можетъ быть, потому, что немножко разстроены нервы... Это бываетъ у заключенныхъ. Но его слова нисколько не успокоили Машу, и она съ тяжелымъ предчувствіемъ какой то бѣды ушла изъ тюрьмы.

На дорогѣ она встрѣтилась съ одной изъ курсистокъ, жившихъ въ прошломъ году на квартирѣ кухарки генерала Барабанова, и та, замѣтивъ разстроенную фizioномію Маши, бросилась къ ней.

— Вы отъ Силоамской? Ну что она? Какъ?

— Ничего не знаю, уныло отвѣчала Маша. На свиданія не ходитъ, писемъ не пишетъ, я просто съ ума схожу. Смотритель увѣрялъ, что она здорова, но я ему не вѣрю, вретъ, должно быть, по виду видно, что вретъ!

— Разумѣется, вретъ! Ахъ, бѣдная, бѣдная Липочка! А про Анюту слышали?

— Ничего не слышала, а что?

— Нашли мы ее! съ оживленіемъ сообщила курсистка. Вѣдь, какъ ее взяли, такъ она точно въ воду канула. Кое кто тамъ изъ нашихъ бѣгали, бѣгали по всѣмъ тюрьмамъ, къ прокурору ходили, искали ее вездѣ — ничего! И вотъ случайно узнали... Знаете, гдѣ она? Въ Петропавловкѣ! Говорятъ, какъ ее забрали, она такого страху задала жандармамъ, что ее сейчасъ же въ крѣпость увезли. Отъ всякихъ допросовъ отказалась на отрѣзъ, — говоритъ, хоть шесть лѣтъ держите, ни слова не скажу, не желаю съ жандармами разговаривать...

Вотъ молодчина то! съ восхищеніемъ прибавила курсистка. Ну, мы очень рады, что ее отыскали. Теперь деньги ей собираемъ, будемъ свиданія добиваться. Да, пожалуй, не дадутъ: ужъ очень она обозлила жандармовъ. А, вѣдь, все хозяйка подлая виновата!

— Хозяйка? спросила Маша.

— Да! она вѣдь всегда имѣла зубъ противъ Анюты. Ну вотъ, какъ Анюту взяли послѣ стачки, хозяйка на допросахъ и наплела, богъ знаетъ, чего. Я думаю, и Липочку изъ-за нея арестовали. Ну, прощайте, побѣгу деньги собирать.

Маша высыпала изъ кошелька всѣ деньги, какія у нея были, и пошла домой. Она была рада, что Анюта, наконецъ, отыскалась, но въ то же время сердце у нея болѣло за сидящихъ въ заключеніи подругъ, и самыя черныя мысли приходили ей въ голову.

Однажды утромъ, заглянувъ въ форточку, надзирательница увидѣла Липочку, распростертую на полу около койки. Вся бѣлая юбка ея и ночная кофточка были покрыты кровавыми пятнами, зловѣще темнѣвшими въ синеватомъ свѣтѣ ранняго утра. Сначала надзирательница предположила самоубійство и въ ужасѣ подняла крикъ. Сбѣжалась вся корридорная прислуга; Липочку подняли и положили на койку. Она была въ глубокомъ обморокѣ, и вокругъ рта у нея запеклась кровь.

— Гм! глубокомысленно промышалъ докторъ, осмотрѣвъ больную. Очевидно, кровоизліяніе изъ легочной артеріи... Надо ее скорѣе въ больницу, все равно скоро помретъ...

Липочка пришла въ себя, но лежала, какъ мертвая, съ землистымъ лицомъ, съ почернѣвшими губами и огромными, глубокими, загадочными глазами, которыми она, казалось, не видѣла ничего и въ то же время видѣла все. Надзирательницы на цыпочкахъ поочередно подходили къ 17-му номеру, заглядывали въ форточку и шептались:

— Совсѣмъ, какъ покойница, лежитъ... Ужъ ско-

рѣ бы ее отъ насъ увезли, а то эдакъ и оставаться съ нею страшно!...

И въ суевѣрномъ страхѣ онѣ жались другъ къ другу. Теперь даже и ихъ, привычныхъ къ тюремной тишинѣ, пугало безмолвіе мрачныхъ стѣнъ, хранившихъ въ себѣ страшныя тайны, и онѣ избѣгали громко говорить, хлопать дверями и гораздо мягче обращались съ заключенными. Величая тѣнь смерти, неслышною стопою проникшая сквозь замки и преграды тюрьмы, освѣтила таинственнымъ свѣтомъ ихъ темныя души и заставила ихъ вспомнить, что рано или поздно всѣ — и тюремщики, и узники, и мучители, и замученные, и притѣснители, и притѣсняемые, — всѣ одинаково представнутъ предъ Единымъ вѣчнымъ и грознымъ Судіей...

Въ одинъ туманный февральскій вечеръ Липочку потихоньку, точно скрывая отъ людскихъ взоровъ какое то черное, преступное дѣло, перевезли въ больницу и помѣстили въ отдѣльной небольшой палатѣ съ ярко-бѣлыми стѣнами и огромнымъ окномъ, выходившимъ въ садъ. Въ первый разъ послѣ семимѣсячнаго заключенія Липочка увидѣла звѣзды, тихо мерцавшія сквозь туманъ, и, несмотря на страшную слабость, улыбнулась.

— Какъ хорошо! прошептала она. Пожалуйста, не закрывайте окна, — я хочу ихъ видѣть, видѣть...

— Что вамъ, барышня? спросила ее сидѣлка.

— Звѣзды... звѣзды... могла только вымолвить Липочка.

Утромъ къ ней пришелъ докторъ, еще молодой человѣкъ съ бѣлокурой бородкой и добродушнымъ некрасивымъ лицомъ. Онъ уже слышалъ, что вновь прибывшая больная — политическая арестантка, и отнесся къ Липочкѣ съ особеннымъ вниманіемъ и сочувствіемъ.

— Ну что, какъ вы себя чувствуете? спросилъ онъ, съ улыбкой подходя къ Липочкѣ.

Липочка посмотрѣла на него своимъ загадочнымъ взоромъ умирающихъ и опять улыбнулась.

— Хорошо... хорошо! прошептала она, перебирая руками оборки кофточки.

— Ну вотъ, посмѣтримъ.

Онъ вынулъ стетоскопъ и сталъ выслушивать Липочку. „Бѣдпая!“! подумалъ онъ съ состраданіемъ. „Не долго ты проживешь!... Галопирующая чахотка!“

Но вдругъ лицо его выразило недоумѣніе, и, прищуря свои близорукіе глаза, онъ сталъ пристально всматриваться въ красное пятно на груди Липочки.

— А это что такое? пробормоталъ онъ съ изумленіемъ. Давно это у васъ?

— Ахъ это... сказала Липочка. Это ничего... не больно... Недѣли три тому назадъ...

Докторъ осторожно отвернулъ кофточку, растянулъ пуговицы рубашки и увидѣлъ такія же красныя пятна на шеѣ и на плечахъ Липочки.

— А... давно ли вы въ тюрьмѣ? спросилъ онъ, скрывая свое волненіе.

— Съ 10-го августа... шестой мѣсяцъ.

— Ну ничего... Мы васъ вылѣчимъ! произнесъ докторъ и поспѣшно вышелъ изъ палаты. „Чахотка и... Мученица... мученица!...“ прошепталъ онъ, чувствуя, что у него сжимается горло.

Маша пришла на свиданіе въ обычный день и, узнавъ, что Силоамскую отвезли въ больницу, побѣжала къ смотрителю.

— Она въ больницѣ, въ больницѣ! задыхаясь отъ негодованія и отъ слезъ, кричала она. Что же вы мнѣ не сказали, что она больна? Это стыдно... стыдно!...

Смотритель развелъ руками, немножко смущенный.

— Что дѣлать, мы сами не знали! Она сама скрывала! Вы успокойтесь, теперь ей отлично. Прекрасный уходъ, и вы можете съ ней видѣться, сколько вамъ угодно.

Маша сейчасъ же помчалась въ больницу, но ей сказали, что сегодня не пріемный день, и велѣли приходить завтра съ разрѣшеніемъ отъ прокурора.

Разрѣшеніе ей дали, и на другой день она отправилась въ больницу, рисуя себѣ разные ужасы. Уже если въ больницу отправили и такъ легко разрѣшили свиданіе, значитъ, дѣло плохо! Но то, что она увидѣла,

превзошло всѣ ея ожиданія. Передъ ней была не Липочка, а тѣнь Липочки... И какая ужасная тѣнь!...

При видѣ Маши въ громадныхъ глазахъ Липочки выразилась смертельная тоска, и она безпокойно зашевелилась.

— Липочка, Липочка, что съ тобою, голубчикъ? воскликнула Маша, припадая къ изсохшимъ рукамъ Липочки. Отчего ты мнѣ не писала, что ты больна? Какъ тебѣ не стыдно?

Липочка молчала и беззвучно шевелила губами. Такъ Маша и не добилась отъ нея ни одного слова и, выйдя изъ палаты, разрыдалась.

— Докторъ, скажите, что съ ней такое? Она со мною ничего не говоритъ и даже какъ будто не рада, что я пришла. Ради бога, не скрывайте! Она очень опасна?

Докторъ мрачно кусалъ свою бороду.

— Совѣтую вамъ приготовиться ко всему... сказалъ онъ, наконецъ. Ей жить не долго. Если у нея есть родные, извѣстите ихъ какъ можно скорѣе, можетъ быть, застанутъ.

— Боже мой, боже мой, рыдала Маша, ломая руки. Она отказывалась отъ свиданій, ничего мнѣ не писала, и вдругъ... Съ ней что нибудь страшное случилось, докторъ, я это чувствую! Она прежде совсѣмъ не такая была, и она меня такъ любила... Неужели это болѣзнь такъ ее измѣнила? Вѣдь, она со мною ни одного слова не сказала!

Докторъ смотрѣлъ на Машу и, вдругъ взявъ ее за руку, повелъ въ дежурную комнату и заперъ за собою дверь.

— Вы правы, сказалъ онъ. Ваша подруга — жертва ужаснаго преступленія. Какой то мерзавецъ... жандармъ или я не знаю кто... убилъ вашу подругу! Вы понимаете?... Но я только *вамъ* это говорю, слышите? *Вамъ* одной...

Машу потрясъ ознобъ, и глаза ея дико смотрѣли на доктора.

— Но кто же... Кто?... пролепетала она поблѣв-

ими губами. Если бы я только знала... я бы убила его!...

Докторъ взглянулъ на нее съ безпокойствомъ и ласково взялъ ее за руку.

— Оставьте! сказалъ онъ печально. Вѣдь этимъ вы не вернете ей жизни! И я совѣтовалъ бы вамъ ни о чемъ ее не спрашивать. Зачѣмъ отравлять ей послѣднія минуты, зачѣмъ терзать ее гнуснымъ воспоминаніемъ? Она и безъ того измучена...

На этихъ словахъ голосъ его оборвался, и онъ отошелъ въ сторону.

Придя домой, Маша сейчасъ же написала о. Афанасію, что Липочка нездорова и желаетъ съ нимъ повидаться. Потомъ она сама отнесла письмо въ ночтовый ящикъ и пошла бродить по улицамъ. Мучительная тоска грызла ее сердце, и ей страшно было возвращаться къ себѣ домой и оставаться наединѣ со своими мыслями. Всю ночь пробродила она по городу и подъ утро, измученная, разстроенная, сама не зная какъ, очутилась передъ Аничковскимъ дворцомъ у воротъ котораго неподвижные, какъ изваянія, стояли часовые. Маша остановилась, и страшная ненависть зажгла ее душу. Ей захотѣлось уничтожить, взорвать на воздухъ, срыть до основанія это проклятое гнѣздо двуглаваго орла, который въ теченіи двухъ столѣтій съ холодной жестокостью душилъ въ своихъ желѣзныхъ когтяхъ все честное, доброе и благородное, что рождала русская земля... Но, вспомнивъ вдругъ, что она одна и безсильна, Маша безумно зарыдала и побѣжала прочь.

Черезъ нѣсколько дней она снова пришла въ больницу. На этотъ разъ что то въ родѣ улыбки шевельнулось на безкровныхъ губахъ Липочки.

— Здравствуй... прошептала она, дѣлая попытку поднять руку.

Маша схватила эту прозрачную, костлявую руку и, обливая ее слезами, заговорила:

— Липочка... Гадкая!... Милая... Такъ ты меня еще любишь? Не сердись на меня?

— За что? спросила Липочка и снова улыбнулась.

— Почему я знаю... Ничего не писала, ничего не сказала, развѣ я знаю, что съ тобою, говорила Маша, забывъ всѣ предупрежденія доктора. О, если бы я знала... Если бы ты сказала хоть одно словечко, что они сдѣлали съ тобою!... И ты молчала!.. И ты скрывала... отъ кого? Отъ меня... отъ Маши... своей любимой... своей единственной... Помнишь, еще въ училищѣ мы не скрывали ничего другъ отъ друга? А теперь, теперь, когда началась настоящая жизнь, настоящая дружба, ты отъ меня это скрываешь, злая, гадкая Липочка...

Улыбка погасла на лицѣ Липочки и, сдвинувъ брови, она пытливо и строго смотрѣла на подругу.

— А развѣ... ты знаешь? спросила она.

— Все знаю! Все!... все... Развѣ я могу не знать, что дѣлается съ тобой? Я это чувствую, я страдаю вмѣстѣ съ тобой, твоя боль — моя боль; твоя обида — моя обида... Липочка, драгоценная моя, святая, мученица, скажи мнѣ, кто это сдѣлалъ? Кто? Кто? Я убью его... я на висѣлицу пойду, слышишь? шептала Маша въ безуміи осыпая Липочкины руки поцѣлуями.

Липочка долго молчала, глядя куда то мимо Маши своими огромными, загадочными глазами.

— Не надо... проговорила она, наконецъ, и отвернулась къ стѣнѣ.

На слѣдующее утро, только что Маша встала, ей подали двѣ телеграммы. Одна была городская отъ доктора; другая изъ Москвы отъ о. Афанасія. „Ваша подруга скончалась“, писалъ докторъ. „Приходите проститься“. А о. Афанасій сообщалъ: „прибуду въ столицу съ почтовымъ“.

Маша совсѣмъ потеряла голову и не знала, какъ она теперь скажетъ о. Афанасію о смерти дочери. Но прежде, чѣмъ идти на вокзалъ встрѣчать о. Афанасія, Маша побѣжала въ больницу.

Липочку еще не успѣли вынести въ покойницкую, и она все еще лежала на своей койкѣ, накрытая просты-

ней. Яркое, весеннее солнце широкой волной вливалось въ окно и разсыпало по полу цѣлую стаю рѣзвыхъ зайчиковъ. Они разбѣгались по блестящему паркету, взбились на стѣны и изрѣдка, точно укладкой, точно боясь нарушить вѣчный сонъ покойницы, осторожно вспрыгивали на койку и снова соскальзывали на полъ. Маша приподняла простыню, прильнула губами къ ледяному лбу усопшей и поспѣшно вышла.

Докторъ позвалъ ее въ дежурную и такъ же, какъ въ первый разъ, заперъ за собою дверь.

— Вотъ что, началъ онъ. Я долженъ васъ предупредить, что по городу уже ходятъ слухи о болѣзни вашей подруги и, главное, о причинахъ, вызвавшихъ эту болѣзнь. Я не знаю, изъ какихъ источниковъ идутъ эти слухи, и не имѣю никакого основанія подозрѣвать въ ихъ распространеніи ни себя, ни васъ. Но фактъ тотъ, что мнѣ самому уже во многихъ мѣстахъ пришлось слышать имя Липочки Силоамской въ связи съ извѣстными вамъ трагическими событіями, предшествовавшими ея болѣзни и смерти. Вѣрнѣе всего, что они идутъ изъ тюрьмы... иногда и стѣны говорятъ... Въ виду всего этого, я сильно опасаюсь, какъ бы похороны вашей подруги не вызвали какихъ нибудь репрессалій... и поэтому прошу васъ предупредить всѣхъ вашихъ знакомыхъ и товарищей держаться, какъ можно корректнѣе и осторожнѣе. И безъ того слишкомъ много жертвъ... Слишкомъ много жертвъ! повторилъ онъ.

Докторъ былъ правъ, и, дѣйствительно, въ это же самое время, какъ онъ бесѣдовалъ съ Машей въ запертой на ключъ комнатѣ, во всѣхъ столичныхъ учебныхъ заведеніяхъ по аудиторіямъ ходили подписные листы на вѣнки Липочкѣ Силоамской, и имя ея переходило изъ устъ въ уста, вызывая всеобщій взрывъ ненависти къ палачамъ новопреставленной мученицы двуглаваго орла.

Изъ больницы Маша отправилась на вокзалъ встрѣчать о. Афанасія и, хотя она никогда прежде его не видѣла, но сейчасъ же узнала въ худомъ, сгорбленномъ старикѣ, одѣтомъ въ поношенную рясу, Липочкина от-

ца. Она подошла къ нему и отрекомендовалась О. Афанасій торопливо, по деревенски, сунулъ ей руку.

— Благослови васъ боже, благослови васъ боже... Ну что, какъ Липочка? спросилъ онъ.

Маша ничего не отвѣтила и заплакала. О. Афанасій догадался и перекрестился.

— Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному... пробормоталъ онъ. Царство ей небесное и вѣчный покой... Не жалецъ она была на бѣломъ свѣтѣ...

Машу, ожидавшую бурныхъ припадковъ отчаянія и слезъ, даже поразило такое спокойствіе о. Афанасія. Онъ какъ будто давно ожидалъ смерти дочери и она насколько его не поразила. „Счастливые эти старики!“ подумала Маша. „Всѣ они какіе то безчувственные!“

Съ вокзала они прямо поѣхали въ больницу, и тутъ Маша переѣнила свое мнѣніе о безчувственности о. Афанасія. Когда они вошли въ палату и Маша открыла простыню, о. Афанасій весь затрясся, ахнулъ и зарыдалъ. „Это не Липочка... Это не она... Гдѣ моя Липочка? Куда вы ее дѣли?“ бормоталъ онъ, съ ужасомъ всматриваясь въ лицо покойницы.

И, дѣйствительно, на больничной койкѣ лежала не его дочь, не его Липочка... Въмѣсто цвѣтущей, юной, улыбающейся красавицы-дѣвушки передъ нимъ лежалъ трупъ шестидесятилѣтней старухи съ провалившимися глазами, съ черными ямами вмѣсто щекъ, съ изсохшею кожей, сквозь которую рѣзко обозначались всѣ кости... Но мало по малу старикъ сталъ узнавать свою дочь и, опустившись передъ койкой на колѣни, онъ съ горькимъ плачемъ говорилъ: „она, она!... Липочка, — моя возлюбленная... Вотъ и родиночка на щечкѣ... и волосики ея и ушки“... При словѣ „ушки“ онъ вдругъ вспомнилъ, какъ онъ ее маленькую однажды выдралъ за уши, и какъ она плакала тогда... и въ нестерпимой тоскѣ онъ рвалъ на себѣ волосы, колотилъ себя въ грудь и стоналъ, взывая: „Липочка, да что же это съ тобой сдѣлали? За что? За что?“...

Маша не могла больше выносить этого зрѣлища и

убѣжала. — Старики остались въ больницѣ, объявивъ, что ни за что не отойдетъ отъ тѣла дочери, самъ будетъ читать надъ ней псалтырь и самъ положить въ гробъ. Ему не мѣшали.

Докторъ боялся напрасно. Никакихъ распоряженій свыше о тайныхъ похоронахъ Силоамской не было, и дѣло шло обычнымъ порядкомъ. Начальство пряталось и дѣлало видъ, какъ будто оно забыло о Липочкѣ. Можетъ быть, оно боялось крутыми мѣрами вызвать бурный протестъ въ задуманномъ и обезличенномъ обществѣ, а можетъ быть, готовило втайнѣ новую бойню для молодежи, чтобы кровавыми буквами навсегда запечатлѣть въ ея памяти имя повой жертвы царскаго произвола.

Въ день, назначенный для похоронъ, съ раннего утра у воротъ больницы началось движеніе. Собирались нарочно пораньше, чтобы помѣшать увезти гробъ потихоньку, и сторожили у всѣхъ входовъ. По улицѣ, въ разныхъ направленіяхъ двигались молчаливыя кучки народа съ вѣнками, входили на дворъ и присоединялись къ толпѣ. Не было ни говора, ни шума; ждали тихо и въ полномъ порядкѣ. Только по рукамъ ходили печатные листки съ біографіей и подробнымъ описаніемъ болѣзни и смерти Липочки Силоамской. Полиціи не было нигдѣ видно, точно она провалилась сквозь землю.

Въ три часа отворили двери больничной церкви и стали пускать публику. Часть народа не вмѣстилась и стала ждать на улицѣ и на дворѣ. Заупокойную обѣдню служилъ самъ о. Афанасій, и въ его старческомъ голосѣ, произносившемъ надгробныя молитвы, дрожали скорбныя рыданія. Послѣ службы гробъ подняли на плечи студенты и въ торжественномъ молчаніи понесли изъ церкви.

Передъ зданіемъ больницы отслужена была литія, и только что процессія двинулась впередъ, какъ вдругъ изъ воротъ выбѣжалъ служитель и направился къ о. Афанасію.

— Ризы то, батюшка, сымите!... сказалъ онъ. Наши ризы то, больничныя...

О. Афанасій остановился и растерянно снялъ съ себя ризы, оставшись въ своей старенькой, деревенской ряскѣ. Ропотъ негодованія пронесся по толпѣ.

— Господи боже, да нешто я самъ? Мнѣ приказано... оправдывался испуганный служитель, исчезая съ ризами въ воротахъ.

Очевидно больничное начальство, ожидая неизбежной демонстраціи и боясь, какъ бы его не обвинили въ соучастіи и попустительствѣ, распорядилось снять съ о. Афанасія ризы, какъ вещественное доказательство этого соучастія и попустительства.

Но демонстраціи никакой не произошло. Послѣ маленькаго замѣшательства, вызваннаго эпизодомъ съ ризами, гробъ снова подняли на руки и понесли съ тихимъ и стройнымъ пѣніемъ по улицѣ. Прохожіе снимали шапки и съ удивленіемъ смотрѣли на эти странныя похороны. Впереди шелъ плачущій старикъ-священникъ съ длинными, сѣдыми развѣвающимися волосами, безъ ризы въ ветхой ряскѣ, подпѣвая дребезжащимъ голосомъ: „святыи боже, святыи крѣпкій!“... а за нимъ двигалась толпа юношей и молодыхъ дѣвушекъ съ понижшими головами и угрюмыми лицами. А надъ толпою, высоко поднятый на плечи самыхъ рослыхъ юношей, торжественно колыбался гробъ, весь покрытый вѣнками, и на красныхъ развѣвающихся лентахъ любопытные прохожіе читали вслухъ зловѣщую черную надпись: „Дорогому товарищу, Липчкѣ Силоамской... замученной царскими холопами... погибшей за свободу и народъ“!...

Послѣ похоронъ о. Афанасій уѣхалъ въ село Котовалово и зажилъ по прежнему. Впрочемъ, не совсѣмъ по прежнему, и вскорѣ прихожане стали замѣчать въ немъ кое какія странности. Среди самаго обыкновеннаго разговора о. Афанасій вдругъ затихалъ, начиналъ къ чему то прислушиваться и бормоталъ: „а, вы опять за ней пришли? Ея нѣтъ, говорю вамъ, — нѣтъ, — ее богъ взялъ, у него спросите“!... Или ни съ того, ни съ сего онъ поднималъ палецъ, тихо улыбался и шеп-

талъ: „это ты Липочка? Иди, иди, не бойся, они уже ушли“... Но такъ какъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ велъ себя благопристойно и церковную службу отправлялъ, какъ слѣдуетъ, то странностямъ этимъ не придавали никакого значенія и были вполне довольны своимъ старымъ батюшкой. И вотъ однажды неожиданно-негаданно разразился страшный скандалъ, не слыханный въ лѣтописяхъ села Котовалова...

Былъ какой то царскій день, и церковь была полна молящимися. Впереди, выпитивъ пузо, стоялъ мельникъ, Филиппъ Петровичъ, который по прежнему процѣталъ и съ тѣхъ поръ, какъ Липочку изъ за него о. Афанасій выдралъ за уши, сдѣлался еще толще и краше. Сзади его на почтительномъ разстояніи, помѣщался урядникъ, а еще дальше тѣснилась, охала и вздыхала сѣрая толпа мужиковъ. Все шло торжественно и благолѣпно, и мѣстные пѣвчіе со стараніемъ выводили праздничныя пѣснопѣнія. Но вотъ наступило великое таинство освященія даровъ... О. Афанасій удался въ алтарь, и синія завѣса, съ легкимъ порошкомъ скользя по золоченнымъ кольцамъ, задернулась за нимъ. Народъ преклонилъ колѣна и замеръ въ благоговѣйномъ молчаніи... Завѣса снова раздвинулась; о. Афанасій вышелъ изъ алтаря, высоко неся чашу надъ головой, остановился и громкимъ голосомъ на всю перковь возгласилъ:

— Благовѣрному государю нашему, императору, Николаю Александровичу, и всему царствующему дому а-на-фе-ма-а!...

Трепетъ ужаса пронесся по церкви, и великое смѣтеніе объяло всѣхъ присутствующихъ... А о. Афанасій, весь какъ будто выросшій, съ вдохновеннымъ лицомъ, съ пылающимъ взоромъ продолжалъ:

— ...государю нашему... Николаю Александровичу... и всему царствующему дому... анафема... анафема... а-на-фе-ма!!!

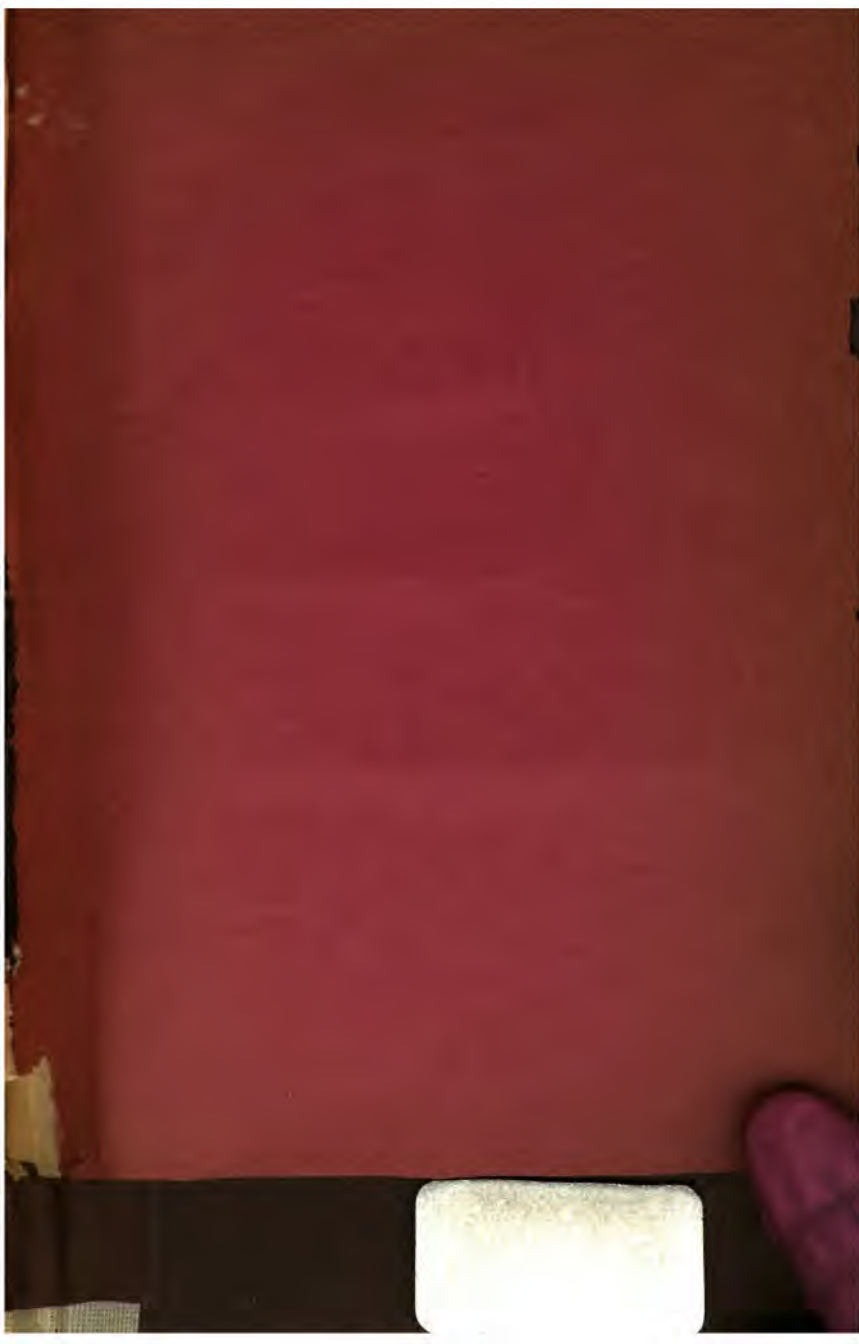
И голосъ его, пріобрѣвшій вдругъ небывалую крѣ-

пость и силу, громовыми раскатами потрясалъ до самаго купола церковныя стѣны...

Первый опомнился Филиппъ Ивановичъ и съ крикомъ: „онъ съума сошелъ! Держите его!“ — ринулся на амвонъ. За нимъ устремились и другіе. О. Афанасія схватили подъ руки, увели въ алтарь, сняли съ него облаченіе, и подъ охраной дьячка отправили домой. Богослуженіе было прервано, и смущенный народъ сталъ расходиться по домамъ, шепотомъ обсуждая происшедшее событіе. Исторію эту, конечно, замаяли, но странные слухи о странномъ происшествіи въ церкви села Котовалова понемножку расползлись по всей Россіи, и долго еще о немъ шептались и перешептывались во всѣхъ градахъ и весяхъ...

О. Афанасія отрѣшили отъ должности и куда то увезли, имущество растащили и расхитили разные невѣдомые родственники, невѣдомо откуда припешіе, а на мѣсто его вступилъ благовѣщенскій попъ, Евстратій, который нѣкогда писалъ доносъ на о. Афанасія и давно уже лелѣялъ мечту о богатомъ приходѣ.

**UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY
BERKELEY**

**Return to desk from which borrowed.
This book is DUE on the last date stamped below.**

5 Jun 50

LD 21-100m-11,'49 (B7146s16)476

M295819

836
N9447
lip

U. C. BERK

CD4E